

Юрий Саенков

УНЭЛДДОК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Юрий Саенков

УНЭЛДОК

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Саенков Ю.

Унэлдок / Ю. Саенков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Чтобы выжить после эпидемии смертельного вируса, в России вводят универсальные электронные документы - унэлдоки. Общество разделено на классы, и каждый класс живёт по своим правилам... Славка утратил свой гражданский статус и скатился на самое дно, став отщепенцем. Он учится выживать в новых для себя условиях. Однажды он спасает тонущую девушку из высшего сословия, и его жизнь кардинально меняется. Поручик МГБ Сомов работает оператором-надзирателем в Управлении гражданского надзора. При помощи Глобальной системы мониторинга (ГЛОСИМ) он имеет возможность отслеживать в реальном времени местоположение почти любого жителя страны. На дежурстве поручик нередко следит за своей женой. И в одно из дежурств маркер его супруги начинает вести себя очень странно, а затем и вовсе исчезает. Судьбы двух героев - Славки и Сомова - связаны одной тайной. И тайна эта касается далеко не только их двоих. Содержит нецензурную брань.

Содержание

0.1	6
Часть I. Пропации	10
1.1 Славка	11
1.2 Сомов	25
1.3 Славка	33
1.4 Сомов	40
1.5 Славка	48
1.6 Сомов	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

*...И глухо закрыты ворота,
А на стене – а на стене
Недвижный кто-то, чёрный кто-то
Людей считает в тишине
(А.А. Блок)*

0.1

Яна пела.

Яна пела страстно, во весь голос, старательно вытягивая сложные переходы мелодии, льющейся из динамиков. Но всё равно то и дело сбивалась, фальшивила, путала отдельные слова и в конце концов начинала смеяться над своей беспомощностью.

На душе у неё было легко и радостно, и мягко утасяющий летний день обещал не менее прекрасное завтра. И послезавтра. И так до самого горизонта сознания. Как бы далеко она ни пыталась заглянуть в своё будущее, там было только одно сверкающее тонкими щекочущими лучиками Счастье. И лишь где-то на самом краю постижимого едва осязалась единственная существенная проблема – далёкая старость. Настолько далёкая, что пока она Яну совершенно не беспокоила.

Отсмеявшись, Яна ставила песню с самого начала, и всё повторялось.

**

На съезде с кольцевой на Мурманское шоссе в глаза бросился огромный чёрно-белый нарочито обделённый всеми прочими красками плакат, призывающий к участию в лотерее в помощь гражданским сиротским приютам, и тут же вспомнились серые картофельные лица и голые руки, так напугавшие её в галерее.

Зачем только Леонид потащил её на эту выставку?! Но разве ему откажешь? Он, как коршун, цепкий и непоколебимый: «Мы должны быть там вместе! Тебе понравится!» Его приглашение – как приказ. Впрочем, так оно и есть. Приказ, послушаться которого она не может себе позволить.

Тебе понравится.

Да, ей понравилось. Ей очень понравилось коллекционное шампанское, а не все эти инсталляции с «глубоким смыслом». Но Лёня был так трогательно сосредоточен, спорил с разомлевшим от всеобщего внимания Севой о внутренней свободе, мифологии, сопричастности и недосказанности; пришлось делать вид, что ей тоже всё очень интересно.

Нельзя сказать, что искусство совершенно её не трогает. Просто у неё другое восприятие, и всяким сюрреалистическим концептам она предпочитает более понятную классическую живопись или скульптуру. Ту, где не надо ничего додумывать, ища скрытые смыслы, а можно только любоваться красотой и точностью изображённого. Вот у Ники на усадьбе прекрасные статуи. Ника говорит, что когда-то они стояли в Пушкинском музее Москвы. А картины в её *palace*! Они великолепны! Куинджи, Левитан, Дубовской, Шишкин, Поленов, Саврасов, Айвазовский наконец! Вот где художественное мастерство! А не тятп-ляп-выкрутасы Медянского.

Оставив мужа в компании прочих любителей порассуждать о «многомерности художественной перцепции», она бродила по светлым залам, с недоумением рассматривая «венцы современного искусства», как было написано в рекламном буклете, и наткнулась на эту странную композицию. На едва заметно вращающемся постаменте в большом стеклянном кубе без верха лежал потрёпанный старинный фотоальбом, раскрытый примерно посередине; к серо-зеленоватым картонным страницам жёлтыми бумажными уголками были прикреплены чёрно-белые фотографии. По две на страницу.

Снимки были сделаны очень давно, несомненно, ещё до Локаута, и Яне стало любопытно взглянуть поближе на эти невзрачные осколки ушедшей эпохи.

Тут была женщина с длинными спутанными волосами и утомлённым напрочь лишённым косметики грубо отёсанным лицом. Женщина держала под руку невысокого плешивого мужичка в дешёвом мятом пиджаке и рубашке без галстука. Оба напряжённо смотрели в объ-

ектив, будто их принудили сфотографироваться. С соседней фотографии строго глядела старуха; лицо её было изрезано такими глубокими и частыми морщинами, что казалось, будто это высохшая кожа какого-то крупного животного – слона или бегемота. И только её глаза были наполнены непересыхающей влагой жизни. На второй странице альбома снова оказалась та некрасивая молодуха. Только уже без мужчины и с замотанным в пелёнки младенцем на руках. А с последней карточки смотрел короткостриженный черноволосый мальчик лет пяти-шести, сидящий на фоне светлого окна в обнимку с большим изрядно замусоленным плюшевым медвежонком.

Над постаментом, закреплённая на хромированном лабораторном штативе, нависала стеклянная колба, из которой чрез прозрачную трубку на альбом изредка капала какая-то кислота. Едкие капли постепенно разъедали фотографии, прогрызая насквозь не только карточки, но и толстые картонные листы.

Когда Яна обнаружила эту инсталляцию, у мальчика уже была полностью разъедена нижняя часть лица. И только большие грустные чёрные глаза в обрамлении густых ресниц оставались не затронутыми кислотой. Этот детский открытый взгляд буквально гипнотизировал, но Яна смотрела не на глаза, она замерла, разглядывая тонкую серую руку мальчика, прижимающего к себе игрушку. Руку, на которой не было браслета!

И хотя Яна прекрасно понимала, что все эти картинки были сделаны до того, как люди стали носить унэлдоки, она всё равно немножко испугалась и смутилась, будто увидела не голую руку ребёнка, а что-то невероятно постыдное.

Прочие фотокарточки также в той или иной степени пострадали от кислотной капельницы. И все люди, изображённые на них: и морщинистая старуха, и женщина с утомлённым лицом, и неопрятный мужчина – не носили браслетов!

Голые серые руки.

На прикреплённой к постаменту золотой табличке Яна прочитала: Севастьян *свет* Медянский, «Уходящее Прошлое». Тут её непривычно тихую и задумчивую и обнаружил автор композиции.

Маэстро Медянский был очень польщён столь пристальным вниманием Яны к его работе. Он умильно запричитал, засуетился, смешно пританцовывая вокруг неё и подошедшего Леонида.

– Ты же поняла, Янычка, да? Поняла? Оценила, скажи? Лёня, она у тебя умница! Какая она у тебя, а! Это же моё любимое, моё изнутри! Самое-самое! А она сразу почувствовала! Сильно, Янычка, скажи, сильно! И это происходит прямо сейчас и здесь, с нами, со всеми! Уходит прошлое! Мы тут стоим, пьём, беседуем, смеёмся, а оно уходит, растворяется. Понимаете? Буквально! Постоянно! Всегда! Безвозвратно! Вот, Янычка это поняла!

Сева торжественно поднял наполненный до краёв бокал и тонким захлёбывающимся голосом воскликнул: «За чудесное настоящее!» Потом, смешно морщась и сильно наклонившись, чтобы не пролить шампанское на свой пошитый по заказу белоснежный костюм, мелкими глотками выпил до дна. После чего расцеловал смеющуюся и начавшую уже оттаивать Яну в щёки, энергично пожал Лёничке руку и, чего-то вдохновлённо бормоча себе под нос, упорхал к гостям.

**

Теперь она мчалась в загородный клуб «Янтарь» и пела. Точнее, пыталась подпевать своему любимцу Борису Ермаку, новая песня которого «Хочется тебе сказать» всполошила всю страну – потому что это была первая песня, написанная Боренькой лично. И она была так чарующе прекрасна, что ни одно любящее или когда-либо любившее или только мечтающее о любви сердце не могло не отозваться на это мелодичное и нежное признание!

Вот только воспоминания о мрачных фотографиях людей без браслетов едва не разрушили это волшебство.

Яна чиркнула пальцем по экрану дисплея, делая музыку громче.

Хочется тебе-е сказать... Фразы дая, как цветы-о-ы...

Ночь – это время чудовищ, пугал её в детстве старший брат. Ерунда! Ночь – это время настоящих современных принцесс!

Яна улыбнулась при мысли о том, что её братишка сейчас так и ютится в своей однокомнатной каморке среди «синяков», в то время как она... А ей Удача улыбнулась своей бриллиантово-золотой улыбкой – она вышла замуж за известного столичного ресторатора, сменила статус, получила всё, о чём только могла мечтать. И теперь она почти на самой вершине. Почти. Но ей и этого вполне хватает, чтобы быть счастливой далеко-далеко и надолго, до самого горизонта сознания.

Яна пела.

В зеркале заднего вида прощально переливался тёплыми ночными огнями Петербург, а впереди, освещённая редкими фонарями, убегала в таинственную темноту загородных просторов чёрная лента Мурманского шоссе.

Яна мечтательно зажмурилась, предвкушая скорую встречу с друзьями, надавила на педаль, и её обнажённую спину вжало в мягкую тёплую кожу кресла.

«Хочется пееесню пеееть – ты, да ещёёёёоо мояаяя...» – стонала Яна, наполняясь минутным счастьем от осознания того, что всё в её жизни складывается так чудесно, так сказочно-прекрасно. Как в песне. Вот только бы научиться ещё вытягивать этот джазовый мотив не фальшивя.

Она всего на секунду отвлеклась от дороги, чтобы сделать музыку ещё громче. Может быть, на несколько секунд. Но за эти мгновения машину увело на обочину, громко зашуршали колёса по гравию. А потом всё, что Яна успела заметить, как в свете фар перед самым капотом метнулась темная фигура. В сознании успело отпечататься, как это бывает в резких всполохах танцпола, лицо: большие испуганные глаза, щёлка трагически перекошенного рта. И в следующий миг машина вздрогнула от удара.

У собак не бывает человеческих лиц.

**

Она со всей силы вдавила в пол тормоз, но тяжёлая машина остановилась не сразу. Дрожая пальчиком Яна выключила музыку и какое-то время сидела в полной тишине и почти не дышала, вновь и вновь переживая случившееся. Постепенно вместо первоначального липкого и холодного испуга пришла горячая обида. Обида и злость. Сначала эти жуткие фотографии на выставке, теперь это!.. За что?! Почему?!

Взяв себя в руки, Яна выбралась наружу и первым делом осмотрела машину. К счастью, повреждения были незначительные: небольшая вмятина на капоте и треснувший плафон фары. Немного успокоившись, Яна стала вглядываться туда, где метрах в сорока, на краю дорожного полотна, лежало что-то небольшое, тёмное, бесформенное – едва различимый бугорок, словно кучка осенних листьев или мусора.

У собак не бывает человеческих лиц.

Эти испуганные большие глаза, которые за миллисекунды до удара она увидела в лобовом стекле, никак не могли принадлежать собаке. И маленький перекошенный рот тоже. Хотя ей очень хотелось, чтобы это всё-таки оказалась собака. Собаку безумно жалко, но зато не будет никаких проблем с полицией, разве что Лёничка немного поворчит по поводу ремонта.

Яна решила, что не будет смотреть, а просто поедет дальше, но не смогла оторвать взгляда от неподвижной кочки на обочине. В её жизни ещё не случилось ничего подобного, и это не только пугало, но и странным образом будоражило.

В конце концов, подумала Яна, не случится ничего страшного, если подойти и посмотреть. Зато потом будет о чём рассказать друзьям.

У собак не бывает человеческих лиц.

И собаки не ходят в детских кроссовках с оранжевыми шнурками.

Кроссовок валялся посередине дороги, прямо на разделительной полосе, почти в самом эпицентре светового круга уличного фонаря, как очередная инсталляция «со смыслом» Севы Медянского.

А там, где световой круг таял, разбавленный сумраком петербургской ночи, превращающей все краски в один сплошной серый, лежал ребёнок. Мальчик лет десяти. Одна штанина его брюк задралась, оголив тоненькую серую ножку. Серое личико с капризно изогнутым ртом было повернуто в ту сторону, откуда пришла Яна. На запястье неестественно вывернутой руки отчётливо виднелась узкая светлая полоска браслета. И эта полоска тоже казалась серебристо-серой. Но браслет мальчика не мог быть таким! Точно не мог!

На дрожащих ногах она присела возле тела, трясущимися руками разблокировала телефон и, как только экран вспыхнул, приблизила этот слабый источник света к перепачканному пылью детскому запястью.

Браслет оказался молочно-белым.

**

Яна пела.

– Хочется простооо смотреееееть! Будто бы выйдяа из тьмыыеееы...

Боренька Ермак! Бесподобный, чуткий, нежный и безумно талантливый. Раньше он никогда не радовал своих поклонников песнями собственного сочинения, перепевая своим волшебным голосом старые шлягеры и написанные специально под него новые песни. И вдруг такая глубокая и проникновенная композиция. И стихи, и музыка – всё сам!

Люди врут себе куда охотнее и вдохновеннее, нежели другим, и Яна с удовольствием предалась самообману, что эту песню Борис Ермак написал специально для неё. Ведь они встречались как-то на новогоднем благотворительном вечере, и может быть, кто знает... Но нет. Конечно, нет. Трудно обманывать себя, когда во всех анонсах говорится, что Ермак сочинил эту песню для своей невесты, как подарок на свадьбу, и та мимолётная встреча на новогоднем балу совершенно ни при чём.

Стоило вспомнить про Новый Год, как впереди показалась заправка. Освещённая множеством ярких огней, она казалась оазисом праздника, огромной новогодней ёлкой, зажжённой посреди ночного леса. А вдалеке над взгорком уже мелькали, щекоча своими кончиками тёмные брюшки ночных облаков, голубые, оранжевые и белые лучи прожекторов ночного клуба. Лучики счастья. И праздничное настроение, чуть было так нелепо не загубленное, вернулось к Яне.

Яна пела.

Часть I. Пропашие

*Был бесцветным. Был безупречно чистым
Был прозрачным, стал абсолютно белым
Видно, кто-то решил, что зима
И покрыл меня мелом
([Nautilus Pompilius](#))*

1.1 Славка

Славка огляделся по сторонам, на несколько секунд замер, чутко вслушиваясь в окружающую его безмятежность, и осторожно вошёл в воду. Неподвижная, глянцево-чёрная на глубине и красновато-бурая у самого берега, она обещала долгожданное блаженство. Лето выдалось жарким и душным. Редкие грозы с яростными, но короткими ливнями облегчения не приносили. Единственным спасением в такой парун было окунуться в прохладу какого-нибудь водоёма.

Каждый свой выходной, либо в субботу, либо в воскресенье, а иногда и посреди недели (в зависимости от того, какой день в их бригаде объявят нерабочим), Славка садился на старенький автобус, курсирующий между приладожскими деревеньками, и отправлялся в село Бережки, а потом ещё четыре версты шёл по песчаной лесной дороге, усыпанной бурой хвоей и сосновыми шишками. Затем, когда бор сменялся жиденьким мелкоколесьем, он сворачивал с дороги, перебирался через узкое болотце, которое только на первый взгляд казалось непроходимым и топким, но по кочкам его легко можно было перейти, едва замочив ноги. А потом оставалось только продраться через густые заросли крушины и чахлах осин, и вот он – ничейный песчаный берег Новоладожского канала. Его тайное место.

Два года назад на Песковской банке села на мель артельская баржа. Тогда всю их бригаду посадили на несколько больших металлических рыболовецких дор и отправили на разгрузку. И когда караван лодок проходил Новоладожским каналом, Славка заметил этот крохотный, расположенный аккурат между сёлами Лопатицы и Бережки пляжик. С тех пор вот уже второе лето при всяком удобном случае он выбирался сюда на целый день. То были, пожалуй, лучшие дни в году, если не считать дни зарплаты.

**

Зайдя в воду по пояс, он помахал для разминки руками, погонял брызгами любопытных, но жутко пугливых водомеров, сделал глубокий вдох и нырнул.

Под водой было невесомо, спокойно и тихо.

Открыв глаза, Славка медленно парил над самым дном, как огромный дирижабль. Ему хотелось как можно дольше находиться в этой умиротворяющей тишине, где он был скрыт от всего мира. Ныряя, он словно переходил через волшебный портал в другое измерение. Пусть ненадолго, всего на одну с небольшим минуту, пока в лёгких не кончался весь воздух, но в эту минуту он чувствовал себя свободным. Такое редкое и потому бесценное ощущение. И он нырял снова и снова, страстно желая в такие моменты превратиться в рыбу, чтобы больше уже никогда не всплывать, сбросить с себя проклятый белый браслет, затеряться в прибрежных водорослях, уплыть в тёмную и спокойную глубину. И когда уже казалось, что рыбой стать вполне реально, он начинал улыбаться, выдавая в себе обычного земного человека.

Ведь рыбы не улыбаются.

**

Вдруг умиротворяющая тишина подводного мира тихонько зазвенела.

Этот звон, сперва едва слышный, быстро усиливался, переходя в настойчивое дребезжание, словно на дно металлического таза равномерно сыпалась струйка сухого песка.

Славка вынырнул и сразу услышал рёв мощного двигателя. Пронзительный звук, быстро нарастая, нёсся по воде, как металлический шар по жестяному желобу, и вскоре из-за стены прибрежного тростника вылетел гидроцикл. Взбивая поверхность воды в кружевные буруны, он на огромной скорости промчался мимо. За рулём ядовито-жёлтого болида сидела девушка в оранжевом открытом купальнике. Её длинные развевающиеся ярко-рыжие волосы были похожи на пламя большого факела.

Славка восторженно следил, как ревуший монстр, эдакий Техно-Зевс, похитивший прекрасную Европу, уносит пылающую гонщицу прочь. Несколько секунд – и девушка скрылась из виду.

Когда рёв мотора превратился в неясный шмелиный гуд, Славка направился к берегу. И хотя ничего запрещённого он не совершал: не ловил рыбу, не разводил костра, не рубил деревьев – в его положении было благоразумней держаться подальше от посторонних глаз. К тому же вечерело, и пора было потихоньку собираться обратно.

Но вдруг звук мотора снова начал приближаться. Правда, теперь он звучал не ровно, а с надрывом, скачками, то резко нарастая, то обрываясь до полной тишины. На всякий случай Славка забрался в гущу тростника и присел на корточки. Вскоре перед его взором появился уже знакомый жёлтый гидроцикл. Но в этот раз он не летел над водой, а прыгал, как норовистая лошадь, стремящаяся скинуть седока, закладывая крутые виражи, почти заваливаясь набок, резко останавливался, чтобы затем, встав на дыбы, снова сорваться с места. В один из таких прыжков рыжая наездница не удержалась и, жалобно вскрикнув, кувырком полетела в воду. Двигатель тут же заглох и наступила пугающая тишина.

Славка уже не прятался. Встав в полный рост, он с тревогой вглядывался сквозь высокие стебли тростника туда, где искрилась на солнце потревоженная вода. Девушки нигде не было видно. Скутер медленно дрейфовал к противоположному берегу. Но вот над водой в снопе брызг мелькнула тонкая рука, показалось и вновь скрылось лицо с широко раскрытым ртом.

Больше не раздумывая, Славка бросился в воду.

Едва он добрался до барахтающейся девчонки, как та вцепилась в него обеими руками, потянула за собой и они оба провалились в тёмную глубину. Стоило больших усилий избавиться от цепкого захвата, вытолкнуть перепуганную «утопленницу» на поверхность и всплыть самому. С трудом он развернул девушку к себе спиной, обхватил так, чтобы её лицо оставалось над водой, и, усиленно работая одними ногами, поплыл на спине к берегу.

**

Девушка была примерно его возраста – что-то около двадцати. Невысокая, худая. Намокшие пряди волос, утратив свой огненный накал, живописно обрамляли её приятное веснушчатое лицо. Зелёные рысьи глаза смотрели задумчиво и серьёзно, без тени страха от только что пережитого потрясения. Юная речная русалка, выброшенная волной на берег.

Славка улыбнулся.

В тот момент он не думал о своём статусе – статусе отщепенца, изгоя, врага. Выработанная годами привычка постоянно помнить о том, кто он, в этот раз дала сбой. Он был слишком взбудоражен случившимся. Девчонка едва не погибла на его глазах, а он смог спасти её и этим поступком словно вернул себя в полноценный мир, которому когда-то принадлежал и из которого был изгнан.

Нет, он не ждал никаких наград, даже не думал о чём-то таком. Само ощущение собственной значимости уже было для него наградой. И именно поэтому он утратил бдительность...

Они лежали на горячем песке, разглядывая друг друга. Их поначалу глубокое дыхание постепенно выровнялось. Их влажные тела быстро обсыхали. Мир полноценный, полнокровный, настоящий щебетал над ними разноголосым птичьим пересвистом, звонко стрекотал стрекозиными крыльями, шелестел листьями тростника, пах речной водой и хвоей.

А потом девушка подняла руку, чтобы убрать с лица прилипшую прядь.

Правую руку. Ту, которую Славка не видел, потому что находился слева от девчонки. Ту руку, на которую он не обратил внимания, пока буксировал эту отвергнутую Зевсом едва не захлебнувшуюся Европу к берегу. Она подняла эту руку, и на её запястье тонкой молнией сверкнул золотой браслет.

И безмятежный мир рухнул. Этот ядовито-шафрановый блеск в один момент напомнил Славке, кто он есть. Этот блеск красноречивей всяких слов поведал ему, кто есть она.

«Светлая»!

**

До этого дня ему ни разу не доводилось оказаться настолько близко к человеку из высшего сословия.

В сознании любого простого жителя страны граждане с золотым и серебряным статусом являлись полубогами, которые только формально существуют в одной с вами реальности, а на деле это два абсолютно разных мира – мир «светлых» и всех остальных: «красных», «синих», не говоря уж про «белых». Это уже третий мир. И тоже совершенно обособленный. Но только совсем в другую сторону.

Девушка, лежащая от Славки на расстоянии вытянутой руки, была «золотой». Выше статуса не существовало. Золото на правом запястье носят люди, относящиеся к ближайшему окружению монарх-президента.

О «золотых» Славка знал только то, что все они баснословно богаты. Настолько богаты, что даже самые смелые фантазии не в состоянии переплюнуть существующую реальность. В остальном мир «светлых» овеян массой слухов и домыслов, рождавшихся по той причине, что жизнь их протекает весьма обособленно. Целые кварталы в старом Петербурге закрыты для посещений простым гражданам, там проживает элита страны. «Светлые» ездят по специально выделенным для них полосам на великолепных автомобилях «буржу», и это, пожалуй, едва ли не единственная возможность для обычного жителя воочию узреть небожителя. Их дети учатся в специальных школах и университетах. Их больные лечатся в специальных клиниках. Магазины, кинотеатры, рестораны – всё у них своё, специальное. Даже храмы.

Славка же находился в совершенно противоположном конце статусной градации. Он был «белым».

Уже несколько лет как он носит на своём правом запястье браслет молочного цвета из гибкого прочного пластика – Универсальный Электронный Документ, в просторечье – унэлдок. И цвет его браслета означает, что Славка не является полноправным гражданином своей страны. Он вообще не является гражданином.

Таких, как он, называют «люстрами» или «люстратами».

«Белым» можно родиться, а можно стать, утратив свой гражданский статус. Последнее означает – пройти через процедуру «ограничения в общественно-политических правах» – люстрацию. Отсюда и название. Ещё про изгоев говорят: «негр», «дно», «гандон», «бинт», «хомяк» – в каждом регионе, в каждой социальной группе и даже в отдельных молодёжных компаниях свои прозвища для таких, как он. Но чаще всего «белых» называют просто – врагами... Хотя нет. Чаще всего «белых» называют именно «белыми».

Время – знатный штукатур. Оно ловко сглаживает все шероховатости бытия и даже глубокие трещины. Надо только подождать, надо только уметь находить хорошее в плохом, не обращать внимания на трудности и не завидовать тем, кому повезло больше. Со временем Славка привык быть «белым» и выработал для себя целую философию, призванную не дать ему сорваться в никчёмные зависть и уныние. Не имея возможности получить большее, Славка хорошо научился убеждать себя в том, что он может прекрасно довольствоваться малым.

Он успокаивал себя.

Какая разница, что именно вы кладёте себе в рот, жуёте и глотаете, если в конечном итоге результат будет один – сытость? Вкус, испытанный в краткий момент пережёвывания и глотания, быстро пройдёт, а сытость – она общая для всех.

Какая разница, когда лёжа в тёплой постели, вы закрываете глаза, что именно находится вокруг вас, пока вы спите – десятки богато обставленных комнат или облезлые стены тесной каморки? Сон равняет и бедных и богатых.

Что проку в одежде из дорогих тканей, если она греет не лучше, а то и хуже, чем самая простая добротная одёвка.

Он успокаивал себя.

Когда-то Славка был полноправным членом общества и носил синий общегражданский браслет, ходил в общегражданскую школу и жил с отцом в уютной однокомнатной квартирке на окраине Петербурга.

Тогда на стенах Славкиного бытия ещё почти не было каверн и трещин. И сами стены эти были выше, шире и намного прочнее.

И в своё будущее в те времена Славка смотрел с уверенностью. После школы он мог поступить в профессиональное училище, а если посчастливится окончить учёбу в числе десяти лучших из потока (и Славка был к этому близок), то и в Университет. А высшее образование, как известно, открывает прекрасные возможности для того, чтобы добиться «красного» статуса. Но если даже не Университет, всё равно, перспективы у «синего» Славки были несравнимо радужнее, чем у Славки «белого». Стабильная работа, дешёвое жильё, бесплатное медицинское обслуживание и прочие гражданские льготы. Он мог пользоваться телефоном и Ростернетом, ходить на спортивные мероприятия, в кино и театры, посещать музеи и церкви.

Мог, мог, мог... Теперь всё это было в прошлом.

В школе им говорили, что «белые» – враги и не заслуживают ни жалости, ни сострадания.

Тонкая-Звонкая – Маргарита Васильевна, их классная руководительница, ведущая уроки патриотического воспитания и новейшей истории, эту тему очень любила и при любой возможности сворачивала на хорошо утоптанную дорогу обличения антигосударственной сущности «белых». Яростно-звонким голосом бывшей активистки Молодых Патриотов России (МолПатРоса) она рассказывала, как именно «белые» в самый разгар Пандемии едва не довели страну до краха, разожгли пожары народных бунтов, превративших многие города и сёла в руины. И вместо борьбы с общей бедой страна погрязла во внутренних распрях.

Известный историк современности Иван *жар* Жаров писал о том времени: «Желудок, доселе с лёгкостью переваривающий всякое чуждое, враждебное, что попадало в него извне, начал стремительно переваривать сам себя...»

Их так учили.

Славка, как и многие его одноклассники, втихую потешался над избыточным пафосом речей Марго, её манерой резко взмахивать во время выступлений чёрной косостриженной чёлкой и колотить воздух крохотным побелевшим кулачком. Потешался, но слушал внимательно. Узнавать о временах, когда никто не носил унэлдочков и не существовало никакой Системы, было захватывающе интересно. Те времена ушли безвозвратно, стали Историей, но их дыхание ещё не остыло. Совсем ещё недавно человечество балансировало на краю гибели и, казалось, спасенья нет. Но благодаря Системе и новым порядкам всё изменилось, человечество получило ещё один шанс. По крайней мере, та его часть, что проживала в России. И это чудесное спасение являлось лучшим доказательством того, что всё было сделано правильно.

Эта экзистенциальная разница между «тогда» и «сейчас» настолько увлекла школьника Славку, что он стремился при любом удобном случае узнать что-то новое о временах, предшествовавших спасительному возрождению любимой страны. Уж больно необычен был жизненный уклад граждан России до Локаута. Но нужную информацию раздобыть было не так-то просто. В Ростернете к архивным записям допускались граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста. А Славкин отец, хоть и родился ещё в той России, которую теперь было принято называть Прежней, ничего, кроме голода, войны и многочисленных смертей, не помнил. И говорить на эту тему не любил.

Другие «старики» с отцовской работы, кого бы Славка ни спрашивал, также были немногословны. Поколение суровых молчунов, видевших и переживших слишком многое.

– Дядя Игорь (Петя, Коля, Вася), – дёргал маленький Славка за рукав очередного отцовского сослуживца. – А как раньше всё было? Ну, тогда ещё...

Ответ практически всегда был одинаков:

– Херово было, Славик.

– А сейчас хорошо? – не унимался он. (Не потому что сомневался, а лишь для того чтобы в очередной раз услышать подтверждение).

– Очень! – смеялся дядя Игорь (Петя, Коля, Вася). – Беги на РЭБ, там дядя Миша тебе блестящих гаек отсыплет. Беги, поиграй...

Зато про те времена всё знала Тонкая-Звонкая, которая не просто раскрывала на своих уроках интереснейшие подробности жизни прежней России и старого мира, но и иллюстрировала свои лекции массой интересных сопутствующих материалов того времени: видеороликами, выдержками из прессы, фотографиями, графиками, цитатами видных общественных и политических деятелей. Страсть как интересно!

Славка полюбил эти уроки больше всех прочих. И даже подумывал учиться на историка. Лучшего способа досконально узнать о прошлом не существовало. А до тех пор он с упоением выпитывал каждое слово Маргариты Васильевны.

– На место цветных революций пришла цветная эволюция! – торжественно и громогласно вещала Марго, не давая шансов никаким другим звукам в классе. – Эволюция гражданского общества, где каждый получает то, чего заслуживает! Ваши синенькие браслеты, ребята, это цвет доверия! Государство вам доверяет и заботится о вас и ваших семьях. А белый – это цвет пустоты. Это туман, в котором врагу легко затеряться, чтобы строить козни против нашей страны. То есть против нас с вами.

Вряд ли кто-нибудь из друзей отца смог бы объяснить, что такое «цветная революция». А Марго могла. Даже если не сразу всё было понятно, всегда можно было подойти к ней после уроков и спросить. Отвечала на такие вопросы она всегда охотно и интерес учеников к своему предмету всячески поддерживала. Про «цветные революции», например, она рассказывала ему в своём кабинете больше часа. Так он узнал, что ещё перед Хворью по всему миру то тут, то там разгорались псевдонародные бунты, спровоцированные врагами, и эти подкупленные бунтари выбирали себе какой-нибудь цвет в качестве символа и чтобы узнавать друг друга в толпе. Такой цвет сразу приобретал особое значение, красиво именуемое «сакральное». В России «цветные революционеры» повязывали себе на рукава белые ленты, поэтому, когда уже возникла Система, именно этот цвет назначили для тех, кто нёс в себе явную или хотя бы потенциальную угрозу государственному строю.

– Самый страшный враг не тот, кто бежит на тебя с оружием, – грозный голос Марго плыл над притихшим классом. – Самый страшный враг – это тот, кто, прикрываясь гуманистическими лозунгами, мнимой заботой о правах и свободах человека, наносит удар изнутри! В спину! Этот враг живёт среди нас, может быть, в одном с вами доме или даже подъезде. Он вежливо здоровается при встрече, ходит на работу, гуляет в парке с собакой и даже помогает по мелочам окружающим, восхищается закатом и весенним дождём. Да, ребята, да! Восхищается! И, может, даже пишет стихи! И по его поведению и внешнему виду вы никогда не узнаете, кто он такой! Но всё это маска, личина, за которой скрывается недруг, люто ненавидящий свою страну и желающий ей гибели и позора. Эти люди всегда чем-то не удовлетворены, постоянно недовольны. Они только и делают, что критикуют власть, купцов и промышленников, простых рабочих людей, обвиняя всех, кто попадётся под руку, в своих бедах, проецируя свою неудовлетворённость жизнью на всё, что их окружает. Всё, что им даёт государство, они принимают как должное. Всё, что, по их мнению, им не добавляют, эти люди записывают в долги. Скептики, не способные созидать, они видят выход только в деструктивном решении проблем. Уничтожить, разрушить, оболгать – вот смысл их так называемой борьбы. Вместо того чтобы сделать себя и свою страну лучше, они только и могут находить и бесконечно мусолить огрехи нашей государственности, возводя эти огрехи в ранг глобальной катастрофы. И эта зараза очень стойка, так как базируется она на самых низменных человеческих чувствах – зависти, злобе, эгоизме. А может ли настоящий гражданин, любящий свою страну, быть эгоистом?

И ученики, знающие правильный ответ, дружно мотали головами – нет, не может.

Я – в Стране! Страна – во мне!

И Славка тоже мотал головой, повторял лозунг молодых патриотов и был счастлив, что он гражданин и не эгоист.

**

Всё изменилось за один день, когда отец Славки, работавший бригадиром пескоструйщиков на Балтийском заводе, погиб, сорвавшись с секции строящегося ледокола.

И с того момента по синим стенам Славкиного бытия побежали белые трещины, осыпалась штукатурка, большими кусками начали отваливаться целые куски прежней жизни, оголяя ржавую арматуру новой реальности, а в образовавшиеся дыры засквозило щемящей безнадегой.

Но человек ко всему привыкает. А время – знатный штукатур.

В тот проклятый день на большой перемене его отыскала Марго и, ничего не объясняя, отвела в кабинет директора. Там его дожидалась тучная ярко накрашенная чиновница в малиновом мундире ДОПоПа – Департамента образования, попечительства и патронажа. Торжественно-траурным голосом она сообщила Славке о несчастье и пообещала заменить ему мать, отца и никогда не существовавших братьев и сестёр. Говорила она не от себя лично, а от лица государства, и, видимо, поэтому её собственное лицо оставалось бесстрастным.

Он смотрел на это резиновое румяное лицо, и ему казалось, что эта тётка его обворовывает. На глазах Марго и директора она, механически шевеля ярко-красными губами, забирала у него самое дорогое, а точнее, всё. И никто в этом не был виноват. И совершенно не понятно было, что делать дальше. Не сиюминутно, а вообще.

Что делать дальше, знала чиновница, и в тот же день Славку отправили в Дом Семьи № 13 – районный приют для гражданских сирот, разместившийся в комплексе зданий, принадлежащих некогда пожарной части. Там он пробыл чуть больше недели, даже не успев свыкнуться со своим положением «гражданского сироты».

Как-то перед отбоем по коридору загрохотали кованые каблуки и в спальную комнату, где воспитанники готовились ко сну, вошли люди в кожанках. Испуганный и растерянный директор приюта, выглядывая из-за их спин, срывающимся голосом вызвал Славку.

Его отвели в пустую столовую, усадили на стул и сразу же начался допрос. Госбесовский офицер, душно пахший касторовым маслом, ходил вокруг него, размеренно скрипел сапогами (как будто внутри сапог находился какой-то специально для того изготовленный механизм) и шипел сквозь зубы, отделяя каждое слово: «Шшто ты знаешшь?!»

Перепуганный и растерянный Славка пытался уточнить, что именно он должен знать, чтобы сообщить об этом. Но никаких пояснений не последовало. Скрипучий офицер продолжал накручивать круги и шипеть.

Шшто. Ты. Знаешшь?!

Как дурацкая игра, правила которой никто не объяснил, а не играть никак нельзя. Более того, проигрыш грозит чем-то страшным, потому что госбесы в другие игры не играют.

Подбирая в уме нужный ответ, как неопытный взломщик подбирает отмычки к неприступному замку, Славка лихорадочно прокручивал в голове все свои возможные грехи перед Родиной. Но ничего криминального, кроме выменьянной у одноклассника на коллекцию долокаутных монет гитары, на ум не приходило. Но, даже находясь на грани истерики, он чётко понимал, что та пустяковая сделка госбесов интересовать никак не может. Им было нужно от него что-то другое.

Что именно, некоторое время спустя объяснил второй офицер.

Он присел перед Славкой на корточки и, доверительно заглядывая в глаза, поведал, что в квартире отца нашли листовки с призывом свергнуть монарх-президента. Толстую стопку прокламаций в белье шкафу обнаружили сотрудники госжилфонда, пришедшие опечатывать жилплощадь.

Два-восемь-ноль. Пожизненно. Без права на амнистию.

Славка пытался объяснить, что его отец никогда не интересовался политикой и о власти, включая монарх-президента, всегда отзывался только хорошо. И поганых листовок в их квартире никогда не было и не могло быть. Тем более в белье шкафу, в который все вещи после стирки укладывал Славка, потому что хозяйством в доме занимался он, а не отец, который приходил с работы настолько уставшим, что ни на что, кроме просмотра телевизора, его уже не хватало.

Но допрашиваемый и допрашивающий всегда говорят на разных языках.

«Шшшто. Ты. Ззнаешшь?!» – напирал касторовый, и казалось, что ему совершенно не нужны никакие ответы. Казалось, он просто выполняет свою роль – шипеть и скрипеть.

Второй офицер тем временем вкрадчиво убеждал Славку, что отец его погиб не случайно, а покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать справедливого наказания, совершив, таким образом, преступление не только перед страной, но и перед Богом.

Грешник со всех сторон.

Но только не для Славки. Тогда, сидя в одних трусах на стуле посреди пустой столовой, он сделал единственное, что мог сделать в той ситуации – поручился за отца нерушимой клятвой МолПатРосовца, дважды ударив себя кулаком в грудь, там, где сердце.

Я – в стране, страна – во мне!

Но магия клятвы на офицеров не подействовала.

Касторовый едва слышно выдавил: «Идиот, баля!» А тот, что сидел на корточках, продолжал мягко, но настойчиво вползать Славке в душу.

«Я вижу, парень, ты патриот, – задумчиво улыбался он. – Ну, так помоги нам, стране и себе заодно!»

Помочь стране Славка был готов. Всегда готов! Он готов был умереть за страну. Это счастье – принести себя в жертву на благо Родины, на благо сограждан! Он так им и сказал. Мягкий обрадовался. Тут же подсунил лист бумаги и ручку. В глаза бросилось слово: «Заявление». А чуть ниже Славка прочёл: «Я, Ярослав Алексеевич Ладов, выявил в своём отце, Алексее Петровиче Ладове, врага России...» Дальше он читать не стал. И протянутую ручку не взял.

Госбесы требовали от него не красивой геройской жертвы, а предательства. И от слов их веяло не пороховым дымом славной битвы, а подвальной сыростью.

Ложь – оружие врага. Правда – щит и меч патриота. Он был уверен, что правда на его стороне. Был уверен, что в скором времени всё прояснится. И тогда эти офицеры ещё извинятся перед ним и похвалят за проявленную стойкость и верность своим убеждениям. А пусть даже не извинятся и не хвалят, лишь бы с отца было снято обвинение.

– Да ясно с ним всё! – Касторовый сплюнул на пол. – Заканчивай с ним сюсюкать. Воспитали идейных идиотов себе на голову!..

– Подпиши, – уже безо всякой надежды сказал второй. – Жизнь же свою погубишь.

– Папа не виноват! – угрюмо твердил Славка.

Даже когда следующим утром его синий унэлдок заменили белым, он всё ещё продолжал цепляться за свою веру в неопровержимое торжество справедливости.

Их так учили.

Так он стал люстратом. Страна исторгла его из себя, а он, хоть и не сразу, исторг из себя Страну. Не Родину, но государство, отправившее его в изгнание в самый низ по социальной лестнице.

Я – в говне, говно – во мне.

Такой лозунг был в ходу среди воспитанников школы-интерната закрытого типа для правоограниченных, куда переправили Славку из Дома Семьи. И лозунг этот был весьма точным, хотя и подпадал под статью об оскорблении государственных символов. Поэтому его редко произносили вслух, ограничиваясь двойным похлопыванием себя по заду. Пароль отверженных – кто знает, тот поймёт.

Славка тоже хлопал себя по заду и постепенно привыкал к новой реальности.

Время – знатный штукатур.

**

И теперь в далёкой губернской глуши, на границе тины и чертополоха случилось невероятное – самая верхушка социальной пирамиды под воздействием трагических, но счастливо разрешившихся обстоятельств соприкоснулась в бурных водах Новоладожского канала с самым что ни на есть социальным дном.

С того самого момента, как Славка увидел золотой браслет на руке спасённой им девушки, он больше не мог думать ни о чём другом. Только о том, кто есть он и кто есть она. И о той пропасти, которая их разделяла.

Он с неприязнью ощутил, как внутри разрастается плебейский страх, сковывая мышцы, превращая лицо в непослушную застывшую маску. Даже дышать стало тяжело, будто воздух в себя приходилось втягивать через мокрое полотенце. В тот момент ему хотелось только одного – вскочить и удрать без оглядки. Лишь бы снова почувствовать себя собой.

Не помогало даже то обстоятельство, что он ничем не был обязан этой «светлой». Напротив, это она была перед ним в долгу. Но печать неискупяемой вины, лежащая на всех «белых», переворачивала всё с ног на голову. Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать... – эту басню достопочтимый пересмешник былых времён написал именно о таких, как Славка.

«Белый» всегда виноват, независимо ни от чего. Его вина заключена не в поступках, не в произнесённых словах, а в самом статусе. В глаза не смотреть, первым не заговаривать, своего мнения не высказывать и тем более не спорить. Это даже не правила, а единственный способ выживать, не навлекая на себя лишних проблем, которых у «бинтов» и так с избытком.

– Спасибо, что помог, – услышал он её тихий спокойный голос.

В ответ Славка лишь кивнул, выдавив из себя невнятное «угу», хотя и понимал, что с его стороны это является непростительной бестактностью. Но от волнения он никак не мог вспомнить, какое титульное обращение – Ваше Сиятельство или Ваша Светлость – полагается использовать при общении с «золотыми». В другой, более спокойной, ситуации он непременно бы вспомнил, но обескураженный неожиданной встречей и угнетённый страхом ошибиться, безнадёжно заблудился в двух соснах.

В его голове тут же заварилась семантическая каша. Слово «сиять» казалось более экспрессивным, но в то же время и более поверхностным, нежели «светить». С другой стороны, свечение являлось процессом более фундаментальным и самодостаточным, чем сияние. Что главнее?

Он настолько погрузился в логические измышления, что едва не пропустил мимо ушей вопрос «русалки».

– Ты где-то тут живёшь поблизости?

Времени на дальнейшие раздумья не осталось, и Славка решил общаться без «этикеток».

– Работаю и живу, – осторожно ответил он.

– А где и кем работаешь? – как ни в чём не бывало продолжала выспрашивать «светлая».

– Предприятие «Сельхозартель Бандурина». Это там.

Он махнул непослушной рукой в сторону берега, не зная, как точнее объяснить.

– Ого! – обрадовалась она. – Это тот Бандурин, который квас выпускает?

Славка набрался храбрости и поднял взгляд. Рысьи глаза смеялись. «Русалка» чувствовала себя в его компании совершенно непринуждённо. Обычный человек: руки-ноги-голова, если забыть о золотом браслете. Но забыть не получалось.

И всё-таки Славка немного оттаял.

– Да, – ответил он. – И не только квас. Всякие продукты: картошку, мёд, клубнику...

**

В сельхозартель Славка устроился три года назад.

Получив на свой счёт выпускное пособие, позволяющее при большой экономии прожить две недели (ровно столько, сколько можно было не работать, не попадая под закон о тунеядстве), он прямо из интерната направился в расположенный неподалёку Рабочий посёлок № 6 – место, где рекруты разных компаний набирали себе дешёвую рабсилу из «белых».

Рабочий посёлок представлял собой огромный палаточный городок, раскинувшийся в болотистой местности недалеко от трассы на Мурманск. В самом центре посёлка находилась так называемая нарядная площадь – голый участок земли, взбитый сотней ног в сплошную, почти никогда не просыхающую грязевую кашу. На площади постоянно дежурило несколько рекрутёрских фургонов, подключённых к электронной бирже труда.

С утра перед фургонами выстраивалась бесконечная очередь из безработных соискателей. И начиналось распределение нарядов по стройкам, лесопилкам, складам и так далее. Отказов почти никогда не было.

Минимальный размер оплаты труда для «белых» гораздо ниже, чем для полноправных граждан, и поэтому «бинтов» с охотой нанимают в качестве разнорабочих туда, где не требуется квалифицированный труд. Чаще всего таких работяг берут на короткие контракты. И если случалось в жизни «белых» что-то, что можно назвать везением, то это была хорошая работа. Хорошая, значит, более-менее постоянная. Хотя бы на сезон, а ещё лучше на долгосрочный договор.

Славке повезло – его наняли в «Сельхозартель Бандурина» на «постоянку». Сказались молодость, сила и относительно безобидная статья люстрации, когда гражданства лишают, что называется, «прицепом».

Артель сельхоз-промышленника *жар* Бандурина была известна по всей стране. Будучи ещё полноправным, Славка нередко покупал в универсаме картошку и другие овощи с эмблемой артели на упаковке. На этикетке добродушно улыбался и протягивал покупателю огромную корзину, полную овощей, зелени и фруктов, бородастый мужик в красном кафтане и лихо заломленном картузе. По слухам, мужик этот был срисован с самого Осипа Захаровича *жар* Бандурина, и Славка воочию убедился в этом, когда устроился к нему на работу.

Там же он узнал, что артель не столько выращивает продукты, сколько скупает их у других хозяйств и даже у простых сельских жителей. Осип Захарович был единственным в губернии продуктовым дилером, которому государство доверило заниматься закупками аграрной продукции у сельхозпроизводителей. Пользуясь своим монопольным правом, *жар* Бандурин так сильно унижал закупочные цены, что называли его за глаза не иначе, как Бандой. Всё, что цвело, плодоносило и колосилось в границах Петербургской губернии, в итоге попадало на плодовоовощные базы, в зернохранилища и промышленные холодильники, принадлежащие «знаменитому и заслуженному аграрию». А оттуда уже развозилось по рынкам и по магазинам под этикеткой с улыбающимся мужиком в картузе.

Примерно то же самое происходило на мясном рынке губернии, монопольным правом на который владел скотопромышленник *жар* (а в народе – *жир*) Савельев, выпускавший на

своих заводах всевозможные колбасы, сосиски, котлеты, паштеты, в общем, поставлявший в магазины страны всё, в чём когда-то текла и бурлила живая кровь.

Славка трудился грузчиком на одном из огромных перевалочных бандуринских складов. Плюс такой работы заключался в том, что она не зависела от сезона – просто летом грузили и на приём, и на раздачу, а зимой только на раздачу. Лучшее место в его положении найти было трудно. Сам он, по крайней мере, о таких местах не слышал. Разве что грузчиком у того же *жар* Савельева жилось и работалось так же спокойно, да ещё мяса они ели не в пример поболее всех прочих «белых».

**

– Так ты фермер? – спросила «утопленница» и перевернулась на бок, подперев голову рукой.

– Фермер господин *жар* Бандурин, – Славка постепенно втягивался в разговор. – А я так... чернорабочий.

Вдруг он подумал, что откровенное дружелюбие «русалки» может быть вызвано тем, что она до сих пор не поняла, с кем имеет дело. И хотя его запястье с белым браслетом не заметить было трудно, он, чтобы уже окончательно поставить все точки над «ё», поднял правую руку и вяло помахал ею:

– Я... вот...

На «русалку» его откровение не произвело совершенно никакого впечатления.

– Да вижу я, что ты «вот», – она тоже подняла руку и, передразнивая Славку, несколько раз качнула ею из стороны в сторону, заставив золотую молнию судорожно метаться по своему запястью. – А я вот...

Славка вновь потупил взор.

– Да ладно тебе, – хмыкнула она. – Думаешь, я «бинтов» никогда не видела? Нашёл чем удивить. Урождённый или люстрант?

Говорить на эту тему Славка не хотел, но и промолчать несмел.

– Отца посмертно обвинили, а меня прицепом... – хмуро ответил он, надеясь, что «русалка» поймёт его состояние и не будет развивать тему.

– Посмертно? – протянула она. – А у меня мама умерла два года назад.

– Моя умерла, когда мне было четыре, – на автомате парировал он.

И тут же пришла мысль, что их разговор превратился в глупую игру, в которой играющие меряются своими бедами. Славка ничем таким мериться не хотел, хотя в этом противостоянии у него было неоспоримое и подавляющее преимущество – «золотые», у которых всего было в переизбытке, вчистую проигрывали «белым» по части несчастий!

Он смущённо замолк.

И всё-таки этот разговор немного успокоил его. Главное, в чём он смог убедиться, «золотой» девчонке его статус был совершенно безразличен. Обычно на «белых» реагируют куда как выразительней...

**

Как-то он бегал смотреть, как выселяли семью люстранта Попова, который оклеветал почтенных сударей: Дениса *жар* Гаврилова – хозяина торговой сети «Полюшко», где сам Попов работал на должности заведующего складом, и деревопромышленника Степана *жар* Лескова-Дёмина.

Истории, придуманные этим псевдоборцом за справедливость, были настолько идиотскими, что только такой же идиот мог в них поверить. И ладно бы неугомонный конспиролог просто трепал языком о своих болезненных фантазиях, но ему хватило ума написать обо всём в газету. А когда из редакции пришёл ответ: «По данным вопросам обращайтесь в суд», то он не придумал ничего лучшего, чем так и поступить.

На суде Попов утверждал, что сударь *жар* Гаврилов договорился с коммунальщиками, чтобы те зимой во время самых лютых морозов на несколько дней отключали отопление в целых кварталах города. Целью этой диверсии, по версии завскладом, была стимуляция продаж электронагревательных приборов в хозотделах универсамов «Полюшка». Попов клялся, что электронагреватели в больших количествах поступали на склады аккурат перед очередными отключениями.

Стоит ли говорить, что назначенная судом проверка никакой взаимосвязи между авариями на теплоцентрали и увеличением поступающих в сезон холодов на склады «Полюшка» электронагревателей не выявила?

Но настоящую «славу» неугомонному завскладу принесла история со спичками.

Второй жертвой пытливого ума Попова стал владелец завода по производству спичек Степан *жар* Лесков-Дёмин. Попов обвинял Степана Фёдоровича в том, что тот на своём заводе якобы «намеренно покрывает каждую вторую спичку специальным антигорючим раствором, вследствие чего спички неизменно гаснут не только на ветру, но и в закрытых помещениях». И выходило, что только половина продукции была пригодна для использования. Кроме сударя *жар* Лескова-Дёмина спичек в губернии никто не производил, и, по словам разоблачителя, «этим нечестным манёвром, направленным на подрыв благосостояния полноправных граждан, лиходей вдвое поднимал продаваемость своей продукции при неизменной усреднённой потребности». В доказательство своих слов Попов просил предоставить ему несколько коробков «Хозяйственных № 1», чтобы прямо в зале суда провести наглядный эксперимент, в чём ему, конечно же, было отказано.

За клевету, порочащую честь и достоинство уважаемых людей, Попов поплатился не только своим статусом, но и статусом всей своей семьи, которая не стала подписывать отказ и отправилась в социальное изгнание вместе с ним.

Народу на «проводы» пришло человек сорок, не считая нескольких жандармов и участкового. Чтобы не путаться под ногами зевак и как можно лучше всё разглядеть, Славка и его закадычный друг Валька Зуев залезли по газовой трубе на козырёк подъезда. Участковый, было, зашикал и порывался согнать их, но командир жандармов плотный пышноусый поручик неожиданно дозволил такое нарушение. «Пусть посмотрят. Полезно», – придержал он за локоть своего коллегу. И Славка с Валькой ощутили себя чуть ли не главными действующими лицами этого представления.

Известно, что люстрантам при выселении можно забрать с собой ровно столько вещей, сколько они могут унести. А мебель, которую, понятное дело, никто никогда не уносил, потом продавали с аукциона прямо во дворах. Либо, если она совсем уже потеряла товарный вид, отдавали на благотворительные нужды.

Первым из подъезда вышел глава семьи. На спине он тащил такой огромный тюк с тряпьем, что низкорослого Попова почти не было видно из-под ноши. Кроме тюка бывший завскладом нёс здоровенный коричневый чемодан. Провожающие встретили его молчаливым осуждением. Даже на детской площадке, где всегда полыхал шум и гам, стало тихо.

Следом вышла жена Попова Анна Борисовна, до люстрации работавшая воспитательницей в детском саду, куда ходили когда-то и Славка с Валькой. На Аннушке было надето длинное зимнее пальто, несмотря на то, что на дворе стояло лето. И ещё тащила за собой тележку на колёсиках, доверху уставленную книгами, а на плече у неё висела такая увесистая дорожная сумка, что высокая и стройная Анна Борисовна согнулась под её тяжестью, как сломанная кукла.

Последней вышла их дочь Оля Попова – худая и длинная девица, учившаяся в одной со Славкой и Валькой школе, но на два класса старше. Она тоже была в пальто. Только в осеннем, коротком. И с походным брезентовым рюкзаком за плечами. В обеих руках Оля несла груды пакетов, которые при каждом шаге лупили её по тощим икрам.

Валька, как оказалось, к «проводам» подготовился основательно. Дома он заранее изготовил меловую бомбочку, которую, как следует прицелившись, швырнул и попал прямо в спину Анне Борисовне.

Бомбочка сработала отменно, и пальто из тёмно-коричневого стало наполовину белым. Кто-то в толпе одобрительно крикнул: «Правильно! Теперь окрас в масть!». Кто-то засмеялся. Даже жандармский поручик заулыбался, взмахнув смоляными крыльями усищ. А бывший завскладом Попов, обычно очень бойкий и несдержанный на язык, втянул голову в плечи и, ничего не сказав и даже не обернувшись, пошёл к ожидавшему люстрантов фургону. Анна Борисовна выпрямила свою белую спину, словно Валькина бомбочка исправила в ней какую-то поломку, и, тоже не оборачиваясь, последовала за мужем. Только Олька обернулась. И так посмотрела, что всё ликование от удачного Валькиного броска у Славки сразу как ветром сдуло. Не узнать было Ольку. Из подростка-школьницы она превратилась в совсем взрослую бледную, уставшую и некрасивую женщину.

Тем же вечером, устроившись на балконе, Славка жёг спички. Для чистоты эксперимента спалил три коробка. Ровно у половины из них серная головка вспыхивала и тут же гасла.

**

«Русалка» задумчиво пересыпала песок – набирала в горсть, выпускала из кулачка тонкую струйку. Получались песочные часы, течение времени в которых определяла она сама, то сжимая, то разжимая ладонь.

– А чем вы занимаетесь? – набрался смелости Славка.

– Я? – в рысех глазах вспыхнули озорные искорки. – Латифундистка.

Слово было незнакомое. Славка на всякий случай уважительно кивнул, мало ли кто чем увлекается.

– А ты бы не мог сюда мою уточку притолкать? – девушка указала тонким пальчиком на уткнувшийся в тресту противоположного берега гидроцикл и, уморительно сморщив лоб, посмотрела на Славку.

Даже если бы она так не смотрела, он бы всё равно не отказал. И всё-таки было приятно, что эта удивительная «золотая» о чём-то его вежливо просит.

Зайдя по колено в воду, он обернулся.

«Русалка» вновь легла на спину, прикрыв ладонью глаза от солнца. Волосы её подсохли и накалились прежним оранжевым огнём. Ладная фигурка на песке вызвала в Славке прилив нежности и чего-то ещё. Чего-то, о чём он даже думать боялся. Кто он и кто она?

Желая потешить свою новую знакомую, он пропел куплет известной шуточной песенки:

Надел он белый бант! И с ним пошёл на бунт!

И там узнал наш франт – почём изюма фунт!

Затем присел, мощно оттолкнулся сильными длинными ногами и взмыл над глянцевой чернотой.

– Хорошо поёшь, – услышал он, прежде чем вода сомкнулась над ним.

Под водой Славка улыбался...

Он быстро добрался до противоположного берега, легко высвободил гидроцикл из зарослей тростника, развернул, ухватился за кормовую часть и, взбивая ногами пенные буруны, начал буксировку. Скутер послушно скользил по воде.

Две трети канала были уже преодолены, когда вдалеке вновь послышался звук мощного мотора. Славка завертел головой. Слева от него канал был прямым и просматривался на большое расстояние, но справа, метров через сто, русло изгибалось, скрывая перспективу. Звук раздавался именно оттуда и быстро приближался.

Славка тоже прибавил ходу.

Когда он уже почти добрался до берега, из-за тростника на полной скорости вылетела надувная моторная лодка. За рулём катера сидел короткостриженный белокрысый парень в больших солнечных очках. Заметив «уточку» и вцепившегося в неё Славку, парень что-то прокричал и заложил крутой вираж, направив катер к берегу. Едва лодка замерла, наполовину выскочив на песок пляжа, неожиданный гость ловко спрыгнул в воду, снял очки, засунул их в задний карман шорт и зашагал к Славке.

Широкоплечий, загорелый и мускулистый, он был похож на героя с агитационного плаката Минспорта, какие развешивают в школьных спортзалах, молодёжных кафе и на автобусных остановках. Вот только на лице этого героя не было привычной белоснежной улыбки. Только злость и презрение.

Славка оглянулся на «русалку». Но та словно не заметила шумного появления спортсмена и даже ладони от лица не отняла, чтобы посмотреть, что произошло. А когда Славка снова повернулся к парню, то успел лишь заметить летящий в лицо кулак.

В глазах ослепительно вспыхнуло, небо кувыркнулось, и Славка завалился на спину, звонко плюхнувшись в мутную от поднятого катером ила и песка воду. Белокрысый, не давая опомниться, тут же запрыгнул на него сверху, как на надувной матрас, вдавил Славкины плечи в дно коленями, так, что невозможно было даже дёрнуться, и начал кулаками охаживать его по скулам. Слева-справа, слева-справа, словно включили заводской станок, который не знает усталости. Славкина голова моталась из стороны в сторону, в рот и нос натекла вода. Всё, что он мог в тот момент делать, это сучить ногами и стараться не захлебнуться. Перед глазами мелькали то берег с размытой каймой камышей, то бесконечно далёкое небо, то очень близкое перекошенное лицо незнакомца, который что-то зло шипел, но что именно, Славка, ошарашенный внезапной атакой, не мог разобрать из-за непрерывного плеска воды и звона в ушах.

Когда он уже почти ничего не соображал и прекратил всякое сопротивление, «спортсмен» рывком перевернул его, выкрутил за спину Славкины руки и защёлкнул на них наручники.

Эти короткие металлические щелчки подействовали на него сильнее всех только что перенесённых ударов. Ощувив, как впились в запястья холодные клешни, он окончательно понял, что угодил в ужасную передрыгу, которая может закончиться для него самым плачевным образом.

Кто берёт с собой наручники на пляж или на водную прогулку?

Синий браслет на запястье этого молодого мужчины говорил о том, что он не принадлежит к касте «драгоценных». Скорее всего, он был телохранителем «русалки». И теперь он мог просто оттащить Славку на глубину и всё будет кончено. Убийство «белого» считалось условно преступным деянием и наказывалось крайне редко. Как правило, серьёзное наказание (то есть тюремное заключение) следовало только в том случае, если «белого» убивал «белый». В остальных случаях убийца отделялся штрафом или же вовсе оставался безнаказанным. Именно это обстоятельство заставляло Славку постоянно быть начеку и, по возможности, избегать встреч с кем бы то ни было вне работы. Но в этот раз на границе тины и чертополоха все его старания быть незаметным пошли прахом.

Он из последних сил выгибал шею, чтобы не захлебнуться в мелкой воде в метре от сухого берега. Острое колено спортсмена больно упиралось ему между лопаток, не давая возможности перевернуться на спину. «Русалка» по-прежнему оставалась безучастной ко всему происходящему, и это ещё больше пугало и без того потерявшего всякую связь с реальностью Славку. Она не могла не видеть и не слышать того, что происходило в десятке метрах от неё. Её статус позволял одним словом и даже жестом заставить любого человека подчиниться. Даже полицейского. Даже офицера МГБ. Но «золотая» молчала.

– Вот ты и попался! – спортсмен, тяжело дыша, с силой макнул Славку лицом в мутную воду и, наконец, слез с него.

Славка тут же перевернулся и, моргая залитыми водой глазами и отплёвываясь, стал ужом отползать на берег.

Проморгавшись, он увидел, что девушка стоит рядом с белокрысым и улыбается.

– Что так долго? – спросила она.

– Заглох, Ваша Светлость, простите, – ответил спортсмен.

Всё-таки «светлость», безучастно подумал Славка, понимая, что протокольная часть общения всё равно уже закончилась.

– Ладно, – негромко проговорила «утопленница», взбивая руками окончательно просохшие волосы. – Считаю, подарок мне на день рожденья ты сделал. Так что прощаю.

– Спасибо, Ваша Светлость, – покорно склонил голову парень. – Рад был угодить.

– У-го-дил! – по слогам отчеканила «утопленница», оценивающе посмотрела на Славку и облизнула верхнюю губу. – Теперь режь!

Глумливо улыбаясь, белокрысый шагнул к Славке. В руке его что-то блеснуло.

1.2 Сомов

Дежурный оператор Управления гражданского надзора по Санкт-Петербургу и губернии поручик МГБ Александр Сомов пил чай и скучал.

На работе он всегда пил очень крепкий и очень сладкий чай, хотя дома предпочитал черёмуховый зелёный и совсем без сахара. Таковы издержки утомительного многочасового бдения перед монитором, на котором почти никогда ничего не происходит. Это ровно то же, как смотреть на обои на стене. И чтобы хоть как-то держать себя в тонусе и не впасть в прострацию, приходилось литрами поглощать практически чистую заварку.

В соседних ячейках, отделённых друг от друга полупрозрачными пластиковыми перегородками, сидели другие дежурные по секторам и каждый, как мог, убивал время: Авдеев (сектор – Запад) читал свежий номер «Вестника России», Клиповский (сектор – Восток) разгадывал кроссворд, Хайруллин (сектор – Центр), играл на планшетке в тетрис.

Откинувшись на спинку кресла, поручик шумно прихлёбывал из большой алюминиевой кружки с выдавленным на донце двуглавым орлом и задумчиво смотрел в огромный монитор маппера.

Ему совершенно необязательно было это делать, так как сам лично оператор ничего важного на маппере обнаружить всё равно не может. Любая значимая информация автоматически отслеживается и моментально фиксируется Системой. И случись какое-либо ЧП, последуют световой и звуковой сигналы, на втором мониторе – информере – появятся все нужные данные по ситуации и объекту, Система сама передаст сигнал тревоги и всю необходимую информацию в территориальные отделы МГБ, жандармерии и полиции. Оператору в подобных случаях нужно просто быть на связи и при необходимости оказывать содействие спецгруппе, выуживая в базе данных дополнительную информацию, запрашиваемую в ходе операции. Ещё иногда операторов дёргают, если возникает срочная необходимость в реальном времени отследить передвижения какого-нибудь объекта или получить справку на заинтересовавшего Контору жителя страны.

Если говорить совсем грубо, то оператор-надзиратель – это человек на подхвате у Системы. Работа дежурного по сектору скучна и не требует никаких особых навыков, кроме умения сидеть на стуле и пить чай. Но Сомов всё-таки смотрел в «мапу» почти не отрываясь. И у него была на то своя причина, весьма далёкая от служебных обязанностей.

На мониторе отображалась спутниковая карта района, где проживал Сомов. И в самый центр этой карты был выведен его дом. И где-то, примерно тоже в условной середине этого дома, горел красный треугольник-маркер – его жена Настя.

Поручик пил сладкую заварку и следил за женой.

Каждый раз, заступая на дежурство, он при малейшей возможности вбивал в контрольную строчку Глобальной Системы Мониторинга (ГЛОСИМ) личный номер унэлдока своей жены и, если не было других дел – а их, как правило, не было – следил. Особо пристально, когда маркер начинал двигаться. Тогда Сомов следил не в полглаза, а в оба.

**

Ещё в восьмом классе Александр Сомов прочно определил свою дальнейшую судьбу – служить Родине. И хотя школьные учителя, как мантру, повторяли, что приносить пользу стране можно на любом месте и главное быть патриотом и профессионалом своего дела, он для себя решил бесповоротно – государственная безопасность.

Можно было выбрать армию, флот, авиацию, МЧС, жандармерию или какую-нибудь важную (впрочем, неважных-то и не бывает) гражданскую специальность. Например, врача. Но выросший в сиротском приюте и получивший от государства буквально всё – крышу над головой, одежду, пропитание, образование – Сомов хотел вернуть стране долг. Не только долг гражд-

данина и патриота, но и свой личный человеческий долг благодарности. И лучше всего, по его представлению, он мог это сделать, находясь на самом острове служения Родине. То есть в МГБ. Причём не в спецназе, куда таких, как он, то есть «синих», брали довольно охотно, а в элитном отделе Следственного Управления, что означало – прыгнуть намного выше головы. Даже дети «светлых» далеко не все проходили суровый отбор, хотя и имели существенные послабления при поступлении. А ведь были ещё и «красные», которые также обладали преимуществом перед обычными полноправными гражданами. Каждый год всего несколькими «синими» удавалось пройти все стадии отбора, сдать экзамены и надеть курсантскую форму Академии.

Саша Сомов всё это понимал и готовился к поступлению, как к самой главной битве в своей жизни. Он сможет!

Над его кроватью до самого выпуска из школы-интерната висел плакат: «Сотрудник МГБ – солдат на передовой в борьбе с коварным злом». И изображённый на плакате пристально вглядывающийся в тревожную даль молодой офицер в чёрной полевой кожанке был для старшеклассника Сомова тем «лекалом гражданина и патриота», по которому он собирался выкроить и себя: намертво сшить там, где топорщится; не терзаясь сомнениями отрезать там, где выступает за грань. Всё лишнее – в сторону! Всё нужное – намертво!

Он усиленно занимался спортом, сдал нормативы ГТО на золотой значок. В МолПатРосовской секции стрельбы добился отличного результата, выбив 49 баллов из 50 на зачётных стрельбах. Выиграл общегородские соревнования по боевому самбо среди юношей 16-17 лет. Досрочно получил водительское удостоверение категорий А, Б и С. Записался в Дружину юных помощников полиции. И имел отличную успеваемость по всем предметам, кроме литературы, где итоговой оценкой у него стало «хорошо».

Он поступил.

День, когда он надел форменный китель с чёрными курсантскими эполетами и стоял навытяжку в строю новобранцев на плацу перед Академией, стал для него одним из самых счастливых в жизни.

– Поступив сюда, вы, ребята, получаете доступ к самым сокровенным тайнам Государства и к неограниченным возможностям, которыми оно обладает. Страна доверяет вам, а вы отдаёте ей себя с потрохами. Уясните это раз и навсегда. С потрохами – это значит, что вы себе больше не принадлежите. С этого момента вы приобретаете полный объём служебных прав, и на вас в полной мере возлагаются служебные обязанности сотрудников государственной безопасности. Так что с Богом! И добро пожаловать в МГБ!

Эти слова, сказанные начальником Академии генерал-полковником Васильевым при приведении курсантов к Присяге, Сомов слушал с таким восторгом, что едва сдерживался, чтобы не заорать «ура» раньше положенного.

С этого момента не было больше «синих», «красных» и «светлых» – все курсанты-новички стали братьями, защитниками своей страны, лучшими из лучших. Они все стали «чёрными». Широкий – в три пальца – служебный унэлдок угольного цвета заменил им их прежние цветные гражданские «ремешки». Отныне исчезали все светские разделения, которые в обычной жизни сделали бы невозможным равное общение между ними. Не было больше граждан *свет* Тихонова и *жар* Ахмерова, были – курсант Тихонов и курсант Ахмеров. Был курсант Сомов. И по служебной субординации они были равны между собой.

Потом начались занятия. И здесь, в стенах Академии МГБ, Саша Сомов впервые познакомился с тем, как работает знаменитый страж порядка – ГЛОСИМ.

**

Каждый человек в стране, где бы он ни находился, куда бы ни направлялся, в любое время дня и ночи через лептоновый импульсный микропередатчик, запаянный в унэлдоке, отслеживается Глобальной системой мониторинга и контроля гражданского состояния. И все перемещения граждан и правоограниченных, наряду с прочими событиями их жизни, заносятся в

личную базу данных, интегрированную в единую всероссийскую систему документооборота. Свадьба, получение аттестата об образовании, водительских прав, больничных листов, государственных наград, наличие движимого и недвижимого имущества, отпечатки пальцев, изображение радужки глаза, ДНК, налоги, штрафы, работа, дети, родители, прививки, страховки – всю жизнь каждого отдельно взятого жителя страны впитывает в себя ГЛОСИМ, чтобы в нужное время вся эта накопленная и систематизированная информация послужила своему хозяину. Или делу защиты государственных интересов.

Впервые познакомившись с возможностями Системы, Саша Сомов был подавлен и напуган – ГЛОСИМ всё знает, всё видит и всё помнит. Разве что мысли не читает. И то, возможно, только пока.

«Система, она потому и называется системой, что учитывает все факторы, необходимые как для предотвращения возможных преступлений и раскрытия уже совершённых, так и для повышения качества жизни граждан, – объяснял курсантам преподаватель курса «Методы работы с глобальной системой мониторинга» майор Зеленков. – Это важнейший аспект обеспечения безопасности страны. И в том, что каждый гражданин и негражданин находится под пристальным наблюдением, нет ничего зазорного. Тем более за всеми сразу следить невозможно, да и надобности такой не возникает. А вот если кто-то кое-где у нас порой, тогда, сами понимаете...»

Невысокий простоватый профессор Зеленков появлялся на своих лекциях в неизменно мятых брюках и рубашке не первой свежести. Причёсываться тоже не входило в привычку преподавателя. Лекции он вёл либо развалившись на опущенном до самого пола офисном кресле, и тогда курсантам была видна только его взлохмаченная седеющая макушка, едва торчащая из-за преподавательского стола, либо усаживался прямо на стол, даже не озаботившись тем, чтобы убрать из-под себя разложенные бумаги.

Такое пренебрежительное отношение к правилам, строго регламентирующим внешний вид сотрудника МГБ, со стороны старшего офицера, да ещё и преподавателя, поначалу раздражало Сомова. Он искренне считал, что сотрудник МГБ – это не только воин-защитник, но и пример всем остальным гражданам страны и потому должен быть безупречным во всём, включая одежду и манеры. Но постепенно раздражение сменилось глубокой симпатией. Среди всех прочих преподавателей Академии Владимир Михайлович Зеленков отличался простотой и открытостью в общении. Он не просто читал лекции или вёл практические занятия, он искренне любил Систему и в полной мере делился этой своей привязанностью с курсантами.

Вскоре занятия по работе с ГЛОСИМ стали для Сомова самой любимой дисциплиной на курсе.

Главное действие на лекциях профессора Зеленкова происходило на огромном в полстены мониторе-маппере, на котором загорались и гасли, неподвижно стояли и перемещались по спутниковой карте маркеры: белые круги, синие и красные треугольники, жёлтые и серые квадраты, чёрные, коричневые, оранжевые и зелёные звёзды, буквы и циферки.

Вот мама курсанта Алтынбекова вышла за покупками – красная стрелка неспешно движется по улице Уточкина в сторону универсама «Полюшко». Руслан Алтынбеков тоже краснеет, будто его матушку застали за каким-то неприличным занятием. А вот брат курсанта Пашкова гуляет с гражданкой Ириной Лукшиной в Мурынском парке, вместо того чтобы сидеть на лекции в химико-фармацевтической академии. А вот курсант Сомов – чёрная звёздочка с белым окоёмом мерцает над зданием под номером 27 на проспекте Энергетиков, где располагается учебный корпус Академии МГБ РФ.

«Курсант Сомов молодец, – весело сообщает всем майор Зеленков, – он лекции не прогуливает».

И за весь период обучения так ни одной не прогулял. Не считая нескольких дней, пропущенных по болезни. А страх перед Системой, от которой никуда не скрыться, очень скоро перерос в азарт и понимание крайней необходимости и полезности её существования.

Профессор Зеленков был специалистом высшей пробы. Позже курсанты узнали, что Владимир Михайлович является лучшим сыщиком-аналитиком ГЛОСИМ. С его участием было раскрыто такое количество преступлений, что другие спецы могли только мечтать о подобных показателях. При этом майор слыл неисправимым оптимистом и был уверен, что в сегодняшних реалиях преступность себя практически изжила.

«Чувство неловкости, которое вы сейчас, вероятнее всего, испытываете, наблюдая за вашими знакомыми и родными на этом мониторе, это то состояние, которое вам, братцы, предстоит в себе изжить, – поучал на первой лекции профессор. – И вам будет намного проще это сделать, как только вы приступите к изучению методов и способов, применяемых в следственной работе, где у вас будет возможность сравнить действия наших коллег до того, как заработала глобальная система мониторинга, и после. Но уже сейчас могу вам сказать, что после введения в работу ГЛОСИМ, количество преступлений, а я сейчас говорю про тяжкие и особо тяжкие, снизилось на... А теперь внимание! На 88 процентов! А?! Каково?! Убийства, грабежи, изнасилования. Сегодня эти слова звучат также архаично, как слово «паровоз». А когда-то – и в историческом срезе, можно сказать, совсем недавно – доля таких преступлений была очень велика. Представляете, сколько жизней уже спасено благодаря внедрению глобального контроля. Система всё поставила на места, братцы мои! Система! И вы, те немногие, кто сегодня удостоен чести... Да, да, это честь! Честь быть причастным к работе этой сложной и архиважной для всех нас программы. Гордитесь этим! Я жду от вас высокой самоотдачи в изучении непростой и увлекательнейшей науки – работы с ГЛОСИМ».

**

Поручик шумно прихлёбывал из казённой кружки и смотрел в монитор.

Использовать Систему для личных целей «настоятельно не рекомендуется». Хитрая формулировка, оставляющая лазейку, которой тут – в «комнате смотрящих» – пользуются почти все. И Сомов в том числе.

Он глотал сладко-горький чай и, глядя на красную стрелку маркера, мигающую в центре карты, думал о жене.

Была ли у него причина следить за ней?

Она красива и нравится мужчинам. Но за пять лет совместной жизни Настя ни разу не дала ни малейшего повода усомниться в её чувствах к нему. Он бы сразу понял, будь что не так. Опыт оперативника волей-неволей срабатывает даже в бытовых ситуациях. А он всё-таки когда-то был оперативником. До тех пор, пока его не разжаловали после случая с тем странным изнасилованием. И ему, наверное, даже повезло, что его просто понизили из капитанов в поручики и турнули с оперативной работы, переведя из следственного Управления на ГЛОСИМ простым наблюдателем. Отправили сидеть на стуле.

Конечно же, он ни в чём не подозревал свою Настю. А следил, скорее, от желания быть с ней даже тогда, когда физически у него не было никакой возможности находиться рядом. И ещё, чтобы быть уверенным, что с самым близким в его жизни человеком всё в порядке. Так было спокойней.

Кто упрекнёт ангела-хранителя в том, что он незримо и неотступно всюду следует за предназначенным ему человеком?

Он смотрел на красную стрелку-треугольник, а видел её фигуру, лицо, взгляд, улыбку. Он разговаривал с ней, делился настроением (как правило, жаловался на скуку: «У нас тут всё по-прежнему, Стаська, тихо, как в заброшенной пещере»), в тысячный раз признавался в любви.

Она, конечно же, ничего не знала. И не только потому, что всякий, кто работает с ГЛОСИМ, подписывает бумагу о неразглашении как подробностей своей деятельности, так и чужой

личной информации. Просто он не хотел лишать её чувства внутренней свободы, которое непременно было бы ущемлено, расскажи он ей обо всём.

Так он себя убеждал.

Да и чего ещё делать на дежурстве, если всё за тебя делает Система? Протирать штаны, пить бесконечный чай и смотреть, как милый сердцу человек в виде красного треугольника-стрелки «плавает» по спутниковой карте района. Как крохотная рыбка в огромном аквариуме.

День за днём – одно и то же, словно муха, застывшая в смоле времени. Без надежд на какие-либо перемены к лучшему. Серо, буднично, до оскомины привычно. Не для этого он пять лет проучился в Академии. Но всё было перечёркнуто одной ошибкой.

Иногда раздавался звонок дежурного телефона и его просили локализовать местоположение какого-нибудь гражданина или «бинта» или откопать в базе данных какие-нибудь уточняющие сведения по «объекту». Он локализовывал, уточнял, передавал информацию и снова переключал «мапу» на отслеживание жены.

Дни эти, как совершенно одинаковые бусины, нанизывались на суровую нитку его, Сомова, жизни. Или, правильней будет сказать, той её части, которая относилась к работе. Дома всё менялось. Там была Настя. Не красный треугольник на тусклой, как застиранная тряпка, серо-зелёной карте города, а живая тёплая любимая женщина. Каждая минута, проведённая с ней, наполняла его жизнь смыслом, и он ловил эти драгоценные капли времени с жадностью скупца, которому всегда мало.

Сейчас же, находясь в мониторинговой, он мог только следить.

Он знал, что сегодня рыбка-Настя уже побывала в магазине на Большой Пороховской и в парикмахерской на проспекте Юнкеров. У Насти был выходной, и свой свободный день она посвятила подготовке к Особому Вечеру – пятой годовщине их свадьбы.

Уже сегодня!

Утром она предупредила, что после обеда собирается заскочить к подруге «просто поболтать». И, уткнувшись ему в плечо, промурлыкала, что наденет новое платье, которое он купил ей на днях специально к годовщине. Купил задорого, по знакомству, в магазине, где отовариваться могут только «светлые». Очень хорошее платье. И ей оно несказанно шло. Женщины любят хвастаться друг перед другом обновками. Он был не против – пусть надевает.

У неё тоже был для него подарок – «самый лучший на свете». Она намекнула об этом за завтраком.

Сомов улыбнулся, вспоминая их неспешную утреннюю беседу.

Подарки Настя делать не умела. Например, на его тридцатипятилетие она подарила ему безумно дорогую коллекционную статуэтку «жиру» – «Три Владимира». Теперь три великих правителя России, изменивших (каждый в своё время) страну до неузнаваемости, пылились на самой верхней книжной полке, с высоты оглядывая своими оловянными глазами их комнату, в которой никогда ничего не менялось.

Поручик смотрел в монитор и улыбался, предвкушая сегодняшний вечер. Особый вечер. Особый не только по причине годовщины, а ещё и потому, что именно сегодня они решили «дать старт новой жизни». Они давно к этому шли, обсуждали, делились страхами и сомнениями и вот решились...

Стрелка-Настя ожила и поплыла над тёмно-серой полоской улицы. Скорость перемещения маркера говорила о том, что она взяла машину.

Сомов отставил в сторону опустевшую кружку, залез в базу данных и выудил оттуда личный идентификационный номер Алёны Дашковой – Настиной подруги. Быстро вогнал его в контрольную строку, и через несколько секунд Система вывела маркер Алёны на монитор.

Едва взглянув на карту, он насторожился.

Алёна Захаровна Дашкова находилась в Выборге. Судя по адресу, она гостила там у своих родителей. А это означало, что его жена никак не могла сегодня заскочить к ней «просто поболтать».

Сомов вернул на монитор маркер Насти. «Рыбка» уверенно продолжала двигаться к выезду на шоссе Патриотов. Знала ли Настя о том, что Алёна сейчас не в Питере? Ведь они как-то должны были заранее договориться или хотя бы созвониться перед самой встречей? Или Настя решила нагрять к подруге неожиданно? Впрочем, это было на неё похоже. Сомов мог бы избавить её от напрасной поездки одним звонком. Но тогда пришлось бы рассказывать и о том, каким образом он узнал, что Алёны нет в городе, чего он делать совершенно не собирался. Предоставив жене возможность выяснить всё самой, поручик отправился к кулеру-самовару за новой порцией чая.

Вернувшись на своё рабочее место, он продолжил наблюдать, как крохотная стрелка перемещается по спутниковой карте.

Вот красный маркер, проследовав по шоссе Патриотов, выскользнул на набережную Николая Второго и направился в сторону Финляндского вокзала. Сомов сделал шумный глоток и замер. Алёна Дашкова жила возле метро «Колчаковская», а Настя в своём новом коктейльном платье, которое ей так несказанно шло, ехала совсем в другую сторону.

Крепко сжимая обжигающую кружку, Сомов смотрел в монитор, но ничего уже не видел. Все мысли словно вывернулись наизнанку, и теперь его застывший взгляд был обращён туда, где начало закипать что-то очень нехорошее, тёмное, злое.

Ревность?

Раньше с ним такого не случалось. И это новое чувство настолько его ошеломило, что когда он пришёл в себя и вновь посмотрел в «мапу» осмысленно, красная стрелка уже миновала Арсенальную набережную, оставив позади Литейный мост.

Его подмывало тут же позвонить ей и всё выяснить. Но он колебался. Боялся сделать тот последний шаг, после которого их отношения уже не будут прежними. Разве что обставить всё, как обычный повседневный созвон. Сказать, что соскучился. Спросить о чём-то незначительном. И постараться уже по ходу разговора что-то выяснить. Но он так и не решился набрать её номер. В конце концов, успокаивал себя Сомов, может быть, она уже знает, что Алёна в Выборге, и поэтому вместо назначенных посиделок отправилась по каким-то другим делам. «По каким-то другим» – не значит к кому-то другому.

Ему стало стыдно за свои подозрения. Пусть и мимолётные, как вспышка. Но эта вспышка осветила в нём то, чего он видеть не хотел.

Многим людям свойственно придерживаться определённого, сотворённого ими самими же образа себя. Этот придуманный «я» прекрасно уживается с «я» реальным до тех пор, пока они друг другу соответствуют. Но как только реальность перестаёт вписываться в идеальный сценарий, возникает внутренний дискомфорт. Очень неприятное чувство, от которого есть два способа избавления. Первый – это принять новую грань себя и аккуратно вписать её в «сценарий». Даже если эта новая грань не блещет добродетелью. Либо – не замечать. Сделать вид, что этот выбившийся за положенные границы отросток – нечто чужеродное, ошибочно-случайное, как фальшивая нота в стройном звучании оркестра. И забыть, а оркестр пусть играет дальше.

Сомов выбрал второй путь, посчитав, что эта чёрная молния ревности лишь побочный результат накопившейся усталости, которая в свою очередь была вызвана неудовлетворённостью работой. В конце концов, его нынешняя должность оператора ГЛОСИМ была довольно далека от образа героического солдата «на передовой в борьбе с коварным злом».

Он попытался расслабиться и привычно откинулся на спинку стула. Привычно отпил чай. С трудом, но вылепил на лице привычную маску отрешённости. Но тревога не отпускала.

А стрелка-маркер, между тем, миновала Пироговскую набережную, затем Сталинскую и Ушаковскую, развернулась на Приморском проспекте и остановилась на въезде на 3-й Елагин мост, который вёл в элитный частный посёлок «Елагин остров», утопающий в зелени бывшего ЦПКиО. В посёлке проживали исключительно «золотые», въезд сюда для всех прочих категорий граждан был совершенно невозможен. Но для того чтобы встретиться с кем-то из обитателей этого посёлка, на остров въезжать не обязательно.

И вновь ревность хищно царапнула своим холодным обсидиановым когтем. Не сильно, не глубоко, но достаточно для того, чтобы решение было принято.

Сомов полез во внутренний карман за телефоном.

Неожиданно изображение моргнуло и сменилось. Система автоматически переключилась на участок Южного Приладожья – сектор ответственности Сомова. По экрану поползли красные строчки. И тут же в помещении раздалась резкая трель тревоги.

– Да чтоб тебя! – заскрежетал зубами поручик, откладывая телефон.

На втором мониторе выскочило информационное окно: «Разрыв контура! Белый. Время разрыва: 17:32. Ярослав Алексеевич Ладов. 21 год... Биографическая справка...»

С экрана информера на Сомова смотрел большеглазый взлохмаченный парень. А в ячейку уже заглядывал начальник смены майор Карпенко.

– Белай ушмыгнуть ряшил?! – похлопал Сомова по плечу майор, изучая карту, на которой пульсировал, разрастался и таял круг молочного цвета. – Не ушмыгнёт! Давай, связывайся с местными, корректируй группу захвата и держи меня в курсе.

Но Сомов и без подсказок знал, чего ему делать в такой ситуации.

**

Следующие полтора часа он находился на непрерывной связи с группой быстрого реагирования. Мысли о Насте мешали работать. Зачем она туда поехала? Почему не предупредила его?

Передачик браслета негражданина Ладова продолжал исправно подавать сигнал. Но когда оперативники добрались до места, никого там не обнаружили. Разорванный унэлдок без труда отыскали на дне канала. А парень, по всей видимости, успел уйти. Дело было передано в отдел по «бегункам», где были свои операторы-аналитики.

Едва Сомову дали отбой, он вновь переключился на Город.

Тёмные полосы Большой и Средней Невок, каскад прудов, яркие крыши особняков, приглушённо-зелёный каракуль деревьев и кустарников и красная стрелка Настиного маркера напротив светло-серой полоски моста. Настя всё ещё была там.

Он набрал номер жены.

Она не ответила.

**

Он пытался дозвониться до неё в течение всего следующего часа, остававшегося до конца смены.

Безрезультатно. Настин телефон молчал, а стрелка-маркер оставалась неподвижной.

Это было ненормально. Она никогда прежде не позволяла себе не отвечать на его звонки. В крайнем случае, отправляла ему текстовое сообщение, что не может говорить или перезвонит позже. Но обязательно как-то проявляла себя. Всегда. Но не в этот раз.

Беспокойство постепенно начало перерастать в тихую панику. Сомов старался держать себя в руках. Искал и даже находил разумные объяснения произошедшему.

Конечно, она оказалась там не случайно. Назначила встречу или даже, скорее, ей назначили встречу. Кто-то из вивов. Возможно, кто-нибудь из друзей её отца. Не отвечает, потому что... Что? Ведёт переговоры? О чём? И почему он ничего не знает об этом?

«Ещё ничего страшного не произошло...» – подумал Сомов. И тут же вздрогнул от этого, грозящего неминуемым, «ещё».

«И не произойдёт!» – поспешно исправился он, но уже было не избавиться от чувства, будто накаркал беду.

«Не ещё, не ещё, никаких «ещё»! – заговаривал он свою ошибку, раскачиваясь на стуле. – Всё будет хорошо...»

Его будто с головой погрузили в воду.

Это время. Оно становится плотным, медленным, тягучим, когда чего-то очень ждёшь. Всё исчезает, и ты застываешь в одной единственной точке бытия, к которой прикованы все твои мысли и чаянья. Застываешь в полной темноте, цепенея от невозможности что-либо изменить, на что-либо повлиять. И остаётся только терпеть, выжимая из себя последние капли самообладания.

Беспокойство давило к земле, словно перегруженный камнями рюкзак за плечами, и каждая минута ожидания падала в этот рюкзак очередным булыжником. Когда дежурство подошло к концу, он был уже на грани. Быстро сдал вахту сменщику, сбежал по широкой парадной лестнице, протиснулся через вертушку турникета и выскочил на улицу.

**

Сменщик Сомова подпоручик Андрей Кузьмин с любопытством смотрел в монитор и пил кофе. Он всегда пил крепкий кофе на работе, хотя дома предпочитал какао, сильно разбавленное молоком.

Вместо спутниковой карты Южного Приладожья на маппере отображался Петроградский район Петербурга. Елагин остров. Все маркеры были отключены, и только одна-единственная маленькая красная стрелка горела над набережной Большой Невки.

Кузьмин перевёл взгляд на строчку идентификации: Анастасия Игоревна *жар* Пяйвенен.

Подпоручик хмыкнул и собрался, было, переключить Систему на сектор ответственности, но передумал, шумно отпил из кружки и откинулся в кресле. Он решил, что раз уж камерад Сомов забыл отключить программу слежения, то не грех будет воспользоваться этим и немного развяться, понаблюдав за женой сослуживца. Тем более что сегодня на участке уже случилось ЧП, а снаряд, как известно, дважды в одну воронку не попадает – «бегунки» хоть и стали в последнее время тревожить заметно чаще, но не настолько, чтобы можно было допустить повторения чего-то подобного за две смены подряд.

Скоро красная стрелка начала движение.

Она проползла по Приморскому проспекту, пропетляла по развязке, выбираясь на магистраль Западного скоростного диаметра, и направилась по закрытому на ремонт мосту в сторону Крестовского острова.

Подпоручик потянулся за кружкой. После ночи, проведённой в Доме Холостяка, его клонило в сон, а кофе в таких случаях помогал только, если его пить беспрерывно.

На краю стола Кузьмин заметил плоскую коробочку ружона в кожаном чехле с золочёной эмблемой МГБ. Камерад Сомов не только забыл отключить программу слежения, но и оставил на рабочем месте свой телефон. Удивительная беспечность! И совсем на него не похоже.

Куда же он так спешил?

Кузьмин сделал очередной глоток и едва не захлебнулся.

Стрелка-маркер вдруг исчезла с карты, зафиксировав последнюю точку приёма сигнала уже в виде мигающего крестика. По экрану поползли ядовито-красные строчки, и в следующую секунду всю сонливость подпоручика смели звуки раздавшейся тревоги.

1.3 Славка

То немного, что он недавно съел, включая землянику и чернику, выплеснулось дурно пахнущей сиреневой жижей на грудь.

Белобрысый, брезгливо морщась, перекатил его, обмякшего и не сопротивляющегося, со спины на живот. Что-то дважды негромко щёлкнуло, а затем недовольный голос приказал: «Вставай, чучело-блевучело! Пойдём-ка, умоешься».

Ничего не соображая, Славка начал изгибаться, как гусеница, послушно пытаясь подняться, но со скованными за спиной руками у него ничего не получилось. «Спортсмен» пришёл на помощь и рывком поставил его на ослабевшие ноги:

– Давай уже!

Славка медленно вошёл в воду – неподвижную глянцево-чёрную на глубине и красновато-бурую у самого берега. В стороны прыснула стайка водомерок, заметались в панике возле самого уреза воды мальки, пронеслась мимо пара юрких стрекоз, за поваленным деревом у противоположного берега плеснула щука – жизнь озёрного края шла своим чередом. А Славка под нетерпеливыми тычками белобрысого шёл в блестящую черноту.

Ему вдруг стало всё равно, что с ним будет дальше. И даже понимание, что дальше, вероятно, уже не будет ничего, не пугало его в тот момент. Единственное, чего ему хотелось, чтобы всё закончилось как можно скорее. Он продолжал идти, даже когда тычки в спину прекратились. Мечта стать рыбой была уже совсем близко. И подумав об этом, Славка вымученно улыбнулся, хоть рыбы и не делают этого никогда и ни при каких обстоятельствах.

– Стопэ! – крикнул белобрысый. – Достаточно!

Но Славка всё шёл и шёл.

Сзади раздался плеск, в котором почти утонул матерный шепоток «спортсмена», а потом толчок гораздо более сильный, чем все прежние, швырнул Славку вперёд...

Под водой было невесомо и тихо. Как всегда.

Он открыл глаза, но не увидел ничего, кроме золотых полос солнечного пересвета в мутном зеленовато-сером стекле глубины. А в следующую секунду сильным рывком за волосы его уже вернули обратно в мир, наполненный воздухом, светом и звуками. Он стоял на коленях, и вода доходила ему до шеи.

– Умылся? – ехидно спросил белобрысый. – Вставай... Ты потонуть что ли решил? Брось! Не за этим тебя отловили.

Славка безропотно поднялся на ноги.

Мимо прошлёпала «утопленница». Поравнявшись со Славкой, она остановилась и посмотрела на него.

– Надел он белый бинт и с ним пошёл на бунт... – тонким мульташным голосом пропела она и рассмеялась.

Белобрысый подобострастно хохотнул.

– Давай, грузи его, Аркаша! Времени не осталось!

Она забралась на «уточку» и запустила двигатель.

– Щас покатаемся, – «спортсмен», как закадычный друг, приобнял Славку за плечо и повёл к катеру. – А хочешь что покажу?

Славка не ответил.

«Спортсмен» и не ждал ответа. Он вытянул руку так, чтобы было хорошо видно. На его ладони лежало что-то, напоминающее большого белого плоского червя. Приглядевшись, Славка узнал свой браслет. И новая волна страха начала стремительно подниматься по горлу.

– Скажи «до свидания»!

Браслет полетел в воду.

Они всё-таки убили его.

**

Человек без браслета – синоним слову «мертвец».

Даже если такой человек ходит, дышит, смотрит – он всё равно уже мёртв.

Безбраслетник – предатель Родины. И это не эмоциональная оценка, а официальное определение, прописанное в Законе «Об обязательном ношении средств личной идентификации». Наказанием за предательство, как известно, является смерть.

Безбраслетников называют «сличами». Это тоже, своего рода, статус. Самый низкий из всех возможных. СЛИЧ – самовольно лишившийся идентичности человек или по-другому – «дикий», «невидимка».

Как правило, браслеты с себя срывают только психически нездоровые люди или отъявленные преступники, которым нечего терять. В большинстве случаев сличей находят очень быстро – в первые часы после разрыва контура. Реже им удаётся скрываться дольше и даже заявлять о себе, как Ярославский душитель или Окулист – известные маньяки-убийцы, которые умудрялись на протяжении довольно длительного времени совершать свои злодеяния, не будучи пойманными.

В школе им рассказывали, что когда-то в глухих уголках России орудовали целые группировки «невидимок», ведущие так называемую партизанскую войну против правительства. Они скрывались в лесах или непроходимой горной местности и совершали вооружённые налёты на территориальные отделы жандармерии, склады с продовольствием, убивали «светлых», чиновников и пограничников, распространяли листовки с антиправительственными призывами. Но это было давно, на заре Новой Жизни. Уже много лет о подобных отрядах никто не слышал.

Совсем редко среди сличей появляются и такие, кто пытается перейти государственную границу, как это сделал жандармский прапорщик Щеглов, удравший на территорию Финляндии во время учений. С тех пор в широком обиходе появилось выражение «дать щегла», то есть сбежать в другую страну. Но такое случалось редко, и в большинстве случаев «щеглов» ловили.

И всё же бывали случаи, когда люди теряли свои унэлдоки ненамеренно. Среди всевозможных «страшилок», так любимых детьми разных возрастов, истории про «потерянный браслет» всегда были на первом месте. И никогда нельзя было сказать наверняка, что в этих историях правда, а что вымысел.

Валька как-то рассказал страшилку про подвыпившего путеобходчика, который на железнодорожном перегоне в Мге неудачно поскользнулся, и проходящая электричка по локоть отрезала ему правую руку. Истекая кровью, однорукий выпивоха добрался до станции, где были люди, и уже там потерял сознание. Уцелевшей рукой он, как дубинку, крепко держал за запястье свою отрезанную конечность. Прибывшие на место медики, как ни старались, не смогли у него её вырвать. Он так и умер от потери крови с собственной рукой в руке.

По крайней мере, он умер полноправным гражданином.

**

Когда в 14 лет Славке выдали «взрослый» унэлдок, он был счастлив и горд.

Тонкий небесного цвета пластиковый ремешок «детского» браслета ему, по традиции, оставили на память, предварительно изъяв электронный чип, передатчик и прочую начинку. Его новый унэлдок внешне почти ничем не отличался от прежнего, разве что был немного шире, да имел чуть более плотную «шишку».

Раньше Славка был уверен, что вся информация о нём хранится именно на браслете – и его электронное свидетельство о рождении, и табель успеваемости в школе, и история болезни, и даже наградной диплом победителя губернского конкурса в составе школьного хора «Садко». Но более сведущий в этих вопросах Валька объяснил, что унэлдок «излучает» только Персональный Идентификационный Номер Гражданина (ПИНГ), как штрих-код в магазине, а

вся-вся информация о человеке содержится в базе данных в удалённом дата-центре где-нибудь под Сосновым Бором, в Гатчине или ещё где.

– Ты как себе это представляешь? – смеялся лопухий Валька. – Вот сломается твой удок, и что? Все данные пропадут и как тогда?

Славка только испуганно пучил глаза, боясь представить, что с его браслетом может случиться что-то подобное. Но Валька успокоил, сказав, что даже если вдруг электронный чип выйдет из строя, все данные останутся целыми и невредимыми.

Позже Славка узнал о браслетах больше. Например, о системе дифференцированного доступа к личной информации. Когда дорожный инспектор прикладывает свой сканок к браслету водителя, он получает только те данные, которые ему нужны по долгу службы. Но не может ничего узнать например о семейном положении водителя или просмотреть его историю болезни. И так с любыми службами. Медики могут получить доступ только к медданным человека, налоговики к финансовым, учителя к образовательным. И только госбесы могут в любое время суток просматривать абсолютно любую информацию на каждого жителя страны. Для этого им нужен только ПИНГ – девять цифр основного номера и трёхзначный статусный код. И ничего не утаится.

Система знает всё про каждого жителя страны.

Поэтому, когда из «детского» браслета изъяли чип, Славка был спокоен – он знал, что вся его задокументированная жизнь осталась в неприкосновенности. Зато с новым «взрослым» браслетом его возможности заметно расширились.

Во-первых, новый чип был интегрирован в единую платёжную систему, и с момента вручения «взрослого» унэдока Славка мог сам совершать любые покупки, достаточно было приложить унэлдок к пинпаду в магазине, а большой палец к сканеру, и деньги списывались с личного счёта в Едином Государственном Банке, на котором уже, кстати, лежали его первые собственные 10 000 «эриков» – подарок от государства на совершеннолетие! Его старый унэлдок был привязан к личному счёту отца и строго ограничивал платёжные способности – отовариваться несовершеннолетний Славка мог только в продуктовых магазинах и Товарах для школьников, да и то в пределах незначительных сумм. Новый позволял совершать почти любые покупки.

Теперь он мог принимать участие в голосовании, для чего также было достаточно поднести браслет к считывателю системы «Гражданский выбор» и, после того как система идентифицирует избирателя и выведет электронный бюллетень на экран, приложить палец к фотографии одного из кандидатов прямо на экране. И готово!

Но главное, и мысль об этом затмевала всё остальное, с этого момента он имел право пользоваться Ростернетом не один час по рабочим дням и два часа по выходным и праздникам, как это было раньше, а два часа в будни и целых четыре в нерабочие дни! Мог завести личный блог, оставлять комментарии к статьям и новостям, скачивать и устанавливать некоторые программы. Он получил доступ к огромному объёму информации, которая раньше была для него закрыта по возрастному критерию.

Как только улыбчивая паспортистка заварила концы нового синего браслета на Славкином запястье и торжественно пожала его вспотевшую от волнения ладонь, он, дважды ударив себя кулаком в левую сторону груди, срывающимся голосом прохрипел: «Я – в Стране, Страна – во мне!» И тут же едва не рухнул в обморок, то ли от стоящей в помещении духоты, то ли от переполнявших его чувств.

Меньше двух лет проносил Славка тот замечательный браслет.

Когда ему надевали «бинт», он тоже едва не отключился, хотя думал, что готов к страшным переменам в жизни. Но как только сотрудник паспортного стола начал заваривать концы белого браслета на его руке, в глазах потемнело – словно не запястье, а горло перетянули.

Теперь у него не осталось никакого браслета. Но дышать от этого легче не стало...

**

Славка полусидел-полулежал на дне лодки, привалившись спиной к горячему прорезиненному борту.

И казалось, всё это происходит не с ним. Кого-то другого везут неизвестно куда и зачем, а он только наблюдает за всем со стороны. Летит над водой бестелесным призраком, и по воле чьего-то злого заклатья не может ни свернуть в сторону, ни остановиться, ни отвести взгляд.

По берегу у самой воды тянулась непрерывная гряда чёрных замшелых валунов, оставшихся ещё со времён постройки канала. Мимо проносились прибрежные заросли тростника, деревья, кусты и пестрящие луговыми цветами поляны. Всё было залито ярким солнечным светом, придающим окружению карнавальную праздничность.

Это стремительное скольжение неожиданно разбудило воспоминания о совсем уже далёких днях, когда они с отцом ходили в зоопарк, где помимо разглядывания уныло бродящих, сидящих и лежащих в дурно пахнущих вольерах зверей можно было поесть мороженое и покачаться на каруселях.

Звери-пленники маленького Славку интересовали мало, а вот аттракционы он очень любил. Они манили переливами ярких огней, какофонией пронзительных звуков и обещанием счастья, пусть и кратковременного.

Самой любимой его каруселью была скоростная вертушка «Мистер Миксер». Сидя в прозрачной капсуле, прижатый специальным запирающим устройством к болтающемуся креслу и до боли в пальцах вцепившись в мягкие подлокотники, Славка носился по кругу, то взмывая ввысь, то практически отвесно устремляясь к земле. В момент стремительного спуска у него перехватывало дыхание, страх и восторг, смешиваясь, рождали упоительное чувство, когда каждая секунда переживается как целая жизнь. И всякий раз в момент стремительного падения он выхватывал взглядом фигуру отца, стоящего в толпе волнующихся и умиляющихся родителей, и кричал ему: «Папа, я лечу!» Ему очень хотелось помахать рукой, но сведённые пальцы невозможно было оторвать от поручней. А его уже снова подбрасывало и уносило вверх, вдавливая в спинку сиденья, и пронзительно голубое небо несло ему навстречу. «Мама, я лечу», – шептал Славка, зацепившись взглядом за небольшое прозрачное облачко. И мама, конечно же, его слышала.

Это было лучшее время в его жизни из того, что он помнил, и лучшая карусель, на которой он когда-либо катался. В те несколько минут, пока он то взмывал ввысь, то нёсся к земле, они снова были вместе – улыбающийся папа внизу, нежная любимая мама на прозрачном облаке, а между ними он, маленький и счастливый Славка.

– Я лечу, – прошептал он, глядя на отражённые в водной глади облака.

Тихие слова в один миг растворились в тёплом летнем воздухе, разлетелись по слогам и буквочкам над посечённым тысячами солнечных бликов перевёрнутым небом. Достаточно оттолкнуться ногами, перевалиться через борт, и это небо примет, спрячет его. Навсегда.

Славка зажмурился. Ощущение полёта стало совсем реальным. Ровный гул мотора, заглушающий все прочие звуки, теперь, казалось, жил в нём самом. Он сам стал этим гулом и этим обдувающим лицо воздухом, и этой скоростью, и темнотой под сомкнутыми веками. И только боль от обжигающей спину горячей резины не давала ему окончательно отринуть свою телесность.

Он напряг ноги, нащупывая точку опоры. Оттолкнуться – назад и вверх! Взлететь по-настоящему! Нет! Слишком страшно! Он уже тонул совсем недавно, уже был готов разом оборвать всё, навсегда, без малейшей возможности уже что-то исправить, на что-то надеяться, уйти в темноту, в небытие, стать никем.... Второй раз решиться на такое ему не по силам. Да он уже – никто, так что некуда так спешить. Скорее всего, счёт его жизни и так идёт на часы, а то и на минуты.

Он открыл глаза, небо плеснуло яркой синевой, ослепляя. Он повернул голову и стал смотреть вперёд. Увидел жёлтый скутер «утопленницы» и трепещущий огонёк её волос. Увидел два невысоких, с человеческий рост, белых маяка, похожих на классические шахматные ладьи. Между маяками блестела вода, там начинался вход в ещё один канал, не намного уже, чем тот, по которому они плыли. Увидел, как гидроцикл девчонки, взревев, свернул в эту протоку. Белобрысый тоже поддал газу и направил катер по пенному следу «уточки».

Едва они миновали башни-маяки, вокруг всё изменилось. Изменилось настолько разительно, словно их волшебной силой перебрало в совершенно другое место.

Больше не кудрявились по берегам непроходимые заросли кустарника и не торчали из воды шапки вездесущего тростника. Неухоженное разноразное сменилось ровным рядом практически одинаковых по высоте и ширине голубоватых елей, между которыми стелилась густая трава настолько сочного изумрудного цвета, что слепило глаза. Береговая линия, обрамлённая массивными хорошо подогнанными плитами из красно-розового гранита, напоминала набережные Петербурга. По обоим берегам были проложены идеально ровные каменные дорожки, вдоль которых через равные интервалы стояли высокие уличные фонари с многогранными «петровскими» плафонами и тяжёлые парковые скамьи.

Неожиданно канал раздался вширь, и они вплыли в просторную гавань, также убранную в гранит.

И как бы ни был Славка удручён своим положением, он не смог остаться равнодушным при виде открывшейся ему картины.

Сразу за гаванью на пологом склоне раскинулся невероятной красоты парк. Всё те же «петровские» фонари, огромный фонтан, плетущий замысловатые кружева серебряных струй, округлые шапки подстриженных деревьев и мягкие линии живых изгородей, клумбы, пестрящие яркими цветами, мраморные статуи античных богов и богинь. И над всем этим возвышался настоящий дворец: светло-бирюзовые стены, белые колонны и полуколонны, сверкающие золотом барельефы, картуши, капители и маскароны, высокие окна, полуобнажённые кариатиды и атланты, поддерживающие балконы второго этажа.

Белобрысый на небольшой скорости правил к основательному деревянному причалу, возле которого стоял то ли огромный катер, то ли небольшой корабль. Красивые чёрные буквы контрастно выделялись на его белоснежной корме – «Орландина». Тут же на специальных пластовых понтонах расположилось несколько гидроциклов. Чуть в стороне от причала темнел выложенный тёсаным булыжником спуск, позволяющий подъезжать машинам к самой воде. Неподдалёку от спуска стоял приземистый облицованный жёлтым песчаником сарай с высокой башенкой-маяком на черепичной крыше. По левую сторону гавани слепила глаза белизной стройных колонн беседка-ротонда с позолоченным куполом. А справа и чуть в стороне на небольшой возвышенности горели огоньки вертолётной площадки, на которой стоял небольшой чёрный блестящий вертолёт.

Они были на середине гавани, когда неожиданный оглушительный грохот заставил Славку вздрогнуть. Приглядевшись, он увидел настоящую старинную пушку, установленную в специальной нише парапета. От места выстрела, медленно разрастаясь, поплыл над водой дымный бублик. Он услышал радостные крики и только тогда заметил людей. Человек пятнадцать пёстрой стайкой стояли у лестницы, ведущей на причал, и приветственно махали руками.

– Тебя встречают! – обернувшись, прокричал Белобрысый и визгливо рассмеялся.

**

«Уточка» ловко вскочила на понтон и затихла. «Утопленница» резво поднялась по короткому белому трапу и замахала над головой руками. Люди на берегу ответили аплодисментами, задорными выкриками и смехом. Навскидку все они были примерно одного возраста – чуть больше двадцати. Славкины ровесники.

От толпы отделился парень в коричневой униформе, бегом спустился по каменным ступеням на причал и что-то передал рыжеволосой. Она кивком поблагодарила его и снова замачала руками остальных. И снова толпа с готовностью отозвалась восторгом.

Белобрысый заглушил двигатель. Катер, пройдя по инерции последние метры пути, ткнулся упругим бортом в стенку причала. «Спортсмен» закрепил лодку, затем вытолкнул законного Славку на причал.

– Стой тут пока, – хмыкнул он. – И не бзди. Тебе здесь понравится.

В перепачканных песком и илом трусах, избитый, напуганный и растерянный Славка стоял на виду у целой толпы нарядно разодетых девушек и парней, словно животное в зоопарке. Его появление на причале тоже не осталось незамеченным. Толпа дружно протянула: «О-о-о-о-о!» – и заклекотала вразнобой, как стая гусей. Он видел указывающие на него пальцы, пронизывающие любопытные взгляды.

Подошла «утопленница». В рысых глазах плескалось торжество.

Славка с удивлением отметил, что на её руке теперь блестело сразу два золотых браслета – тот, что был раньше и новый, более широкий, украшенный витиеватыми узорами и драгоценными камнями.

– Вот и всё! – сказала она, подводя некий итог, смысл которого Славке ясен не был.

– Что... всё? – тихо спросил он.

«Утопленница» вскинула брови и приблизилась почти вплотную.

Она была на полторы головы ниже Славки, совсем невеличка, но крохотным чувствовал себя именно он.

– Во-первых, запомни, – вкрадчиво сказала она. – Если обращаешься ко мне, необходимо говорить «Ваша Светлость».

Славка поджал губы и насупился.

– Ты об этом не знал? Ты же учился в школе.

Славка отвёл взгляд.

– Ты не расслышал мой вопрос, крепс?!

Белобрысый, стоявший позади, отчётливо прошипел: «Отвечай, дурак!»

– Я всё расслышал, – монотонно проговорил Славка. – Ваша Светлость.

– Молодец! – тут же смягчилась рыжая. – Ты сможешь, я знаю. Немножко привыкнешь, и всё у тебя получится.

Она снова обшарила его взглядом.

– Господи! Какой ты жалкий! Аркаша, его одежда готова?

Тот выступил вперёд и энергично кивнул:

– Да, Ваша Светлость!

– Ваша Светлость! – Славка с отчаяньем посмотрел на девушку. – Пожалуйста! Скажите, что происходит?

Она протяжно выдохнула, раздувая щёки.

– Ф-ф-ф-ф... Нет, ничего ты не понял. Ну, хорошо, я объясню. Ты теперь мой крепс. Знаешь, что это значит?

– Нет... Ваша Светлость.

– Ты раб! – спокойно пояснила она. – Мой личный раб! Крепостной слуга. Крепс. У тебя больше нет браслета, но я смогу о тебе позаботиться и избавить от участи слича. Об этом-то ты хоть знаешь? Знаешь, что бывает с дикими?

– Раб? Вы смеётесь?

– Да, – широко улыбнулась она. – Я смеюсь. Но это не шутка. Ты будешь тут жить и работать. Будешь выполнять всё, что тебе прикажут. Что я прикажу. И не делай глупостей. Поверь, я не склонна церемониться с теми, кто бунтует. Как ты там пел? Он носит белый бинт

и с ним идёт на бунт... Помнишь, чем песенка кончается? Лежит в земле сырой несбывшийся герой. Всё. Тебя проводят.

– Я же вас спас, – глядя исподлобья, процедил Славка.

– Что?! – она уже собиралась отойти, но услышав Славкино заявление, вернулась. – Спас?! Ты думаешь, я так плохо управляюсь с «уточкой»? Или не умею плавать? Нет, крепс. Так было задумано. И, кстати...

Неожиданно она залепила ему сильную пощёчину, на которую с берега тут же отреагировали дружным одобрителем «у-у-у-у».

– Это за то, что ты меня лапал, когда «спасал». Запомни, ко мне прикасаться нельзя!

Славка угрюмо молчал. В тот самый момент, когда рыжеволосая под восторженное улюлюканье гостей залепила ему пощёчину, утвердив таким образом его новый статус, Славка понял, что в его жизни только что произошёл тот самый резкий поворот, после которого все дальнейшие события подчиняются только этому ключевому моменту. А всё, что было до, уже не имеет никакого значения.

– Ты понял меня, спасатель?

Он не ответил.

– Повторю в последний раз. Ты меня понял?

Стоящий рядом белобрысый больно ущипнул Славку за бок.

– Я понял, Ваша Светлость, – тихо проговорил Славка.

Рыжеволосая повернулась к своим друзьям, театрально указывая на него обеими руками.

– А он понятливый! Он не дурачок!

И толпа, смеясь, загудела, зааплодировала. Толпа благосклонно приняла его капитуляцию.

Её ладонь вновь потянулась к Славкиному лицу. Он зажмурился, но девчонка лишь слегка потрепала его по щеке.

– Ты мой подарок на день рождения, – она миленько улыбнулась. – Ты должен быть хорошим подарком. И делать всё, что тебе скажут. Это просто. Ты справишься. Ведь ты, как мы выяснили, не дурачок? Ну? С днём рождения меня?

Славка потрогал языком распухшую губу и посмотрел на «утопленницу».

– С днём рождения, – выдал из себя он.

Улыбка на её лице начала таять.

– Ваша Светлость! – сквозь зубы добавил Славка.

– Уводи его! – раздражённо приказала рыжая. – Отведи его в общежитие. Наручники там снимешь. Пусть сидит взаперти, пока врач его не осмотрит. Пока всё.

Белобрысый требовательно хлопнул Славку по плечу, но Славка продолжал стоять, не в силах сделать первый шаг. Он словно приклеился босыми ступнями к нагретым доскам причала, замерев на границе между прошлым и будущим. Как будто упёрся в невидимую преграду. Казалось, стоит шагнуть не вперёд, а назад, и ещё можно будет всё исправить – сказочный дворец со всеми его обитателями померкнет, расплывётся, как Китеж-град призрачным отражением в тёмной воде, и он снова окажется на берегу канала, один, со своим белым браслетом.

«Браслет!» – вспомнил он и посмотрел на своё непривычно пустое запястье.

– Да иди же ты! – проворчал «спортсмен» и с силой пихнул в спину.

Новая реальность качнулась, будто кивала ему приглашая.

1.4 Сомов

На стоянке перед Третьим Елагиным мостом находилось порядка двадцати автомобилей, но Настиной «Музы» Сомов там не обнаружил. Он был готов (несмотря на вероятный выговор и штраф) позвонить своему сменщику и попросить проверить, где сейчас находится маркер Насти, но к своей досаде обнаружил, что в лихорадке переживаний оставил телефон на работе.

Молодой розовощёкий охранник, дежуривший возле чёрно-белой полосатой будки, выслушал Сомова с подчёркнутой внимательностью:

- Никак нет, господин офицер, не видел!
- А давно твоё дежурство началось?
- С полудня, господин офицер.
- И не видел? Только что же здесь была...
- Никак нет, господин офицер. Я бы заметил.
- Ладно. Как мне найти вашего старшего?
- А вон караулка, ваше благородие, – указал рукой парень. – На втором этаже его найдёте.

Сомов вырулил на стоянку и припарковал свой УАЗ «Комиссар» напротив кирпичного гаража, прилегающего к караулке, вбежал по внешней металлической лестнице на второй ярус поста охраны и толкнул лёгкую пластиковую дверь.

– Чем обязаны?

Навстречу ему шагнул короткостриженный седой мужчина крепкого телосложения с осанкой, выдающей в нём бывшего военного. Воевода охраны. Рукава коричневой форменной рубахи с яркими нашивками ЧОПа подвёрнуты до локтя. На запястье обычный синий гражданский «ремешок».

– Здравия желаю, – сдержанно кивнул Сомов. – Помощь ваша нужна. Ищу человека.

– Человека? – поднял брови мужчина. – В наше время люди редко пропадают. Но, чем можем, поможем. Что у вас?

– Сегодня, примерно в 17:30 к вашему посту подъехала красная «Муза», госномер... (Сомов назвал номер). – За рулём машины была моя жена. Ещё двадцать пять минут назад она была здесь.

– Погодите, погодите, – мужчина сложил руки на груди и нахмурился. – Что значит – была здесь? Здесь – это где? Уточните, пожалуйста.

– Здесь – это возле вашего поста. А именно, на этой вот стоянке.

– Я прекрасно вижу вашу машину, господин поручик. Вон она стоит. И поверьте, я бы увидел и машину вашего... хм... человека. Здесь нечасто появляются посторонние транспортные средства – только охрана, обслуга посёлка и службы снабжения. Так что, уверю вас, здесь никакая красная «Муза» ни пятнадцать минут, ни час, ни два назад не появлялась.

– Послушайте... Как вас?..

– Андрей Николаевич, – представился воевода. – Полковник в отставке.

– Так вот, Андрей Николаевич, – Сомов заставил себя выдавить дружелюбную улыбку. – Чтобы не было каких-то недоразумений, я служу оператором ГЛОСИМ и точно знаю, будьте уверены, что моя жена здесь была. Вот именно на этой стоянке и именно в то время, которое я вам назвал.

– За женой на работе следите? – начальник охраны слегка смягчил утверждение вопросительной интонацией. – Красивая?

– Не ваше дело!.. Что насчёт машины?!

– Господин поручик, насчёт машины всё то же самое. Никакая красная «Муза» за минувшие сутки на стоянку не въезжала. Может, ваша жена была без машины? Но скажу вам, что и постороннего человека я бы тоже заметил. Вероятно, вы что-то напутали.

– Вы хотите сказать, Система напутала? – Сомов начал терять терпение.

Лицо воеводы болезненно скривилось.

– Система, конечно, не могла ошибиться, но... Я всё вам сказал. Больше ничем помочь не могу.

– У вас на въезде стоят камеры. Мы можем посмотреть запись?

– Давать просматривать запись в частном порядке я не имею права. Вы должны меня понимать, здесь всё-таки кон-тин-гент. Обращайтесь официально. Вам, думаю, не составит труда организовать запрос. Тогда вместе и посмотрим.

Сомов буравил взглядом спокойное лицо отставного полковника. И больше себя сдерживать он не мог.

– Вот скажи мне, Николаевич Андрей. Мы с тобой оба понимаем, что происходит...

– И что же, по-вашему, происходит? – воевода был невозмутим.

– Пудришь ты мне мозги. И у тебя на то, безусловно, есть веская причина. И я полагаю, разговаривать дальше нам бесполезно. Да? Но и ты должен понимать, что я этого так не оставлю.

Начальник охраны размеренно закивал седой головой.

– Я всё понимаю, всё понимаю. Но сделать ничего не могу. Тут вам не овощебаза и не склад. Вы тоже поймите меня. Есть инструкция. Я этой инструкции следую. Вы за это меня упрекаете? Я ответил на ваши вопросы. Вам мои ответы не понравились. Понимаю. Но других ответов у меня для вас нет. Всё остальное давайте решать официально, как полагается. И, знаете ли, да, причина у меня есть. И веская. Мой браслет и эта работа мне намного дороже, чем проблемы неизвестного мне сотрудника всеми уважаемого МГБ, уж извините, и его... хм, жены. Как-то так.

К посту охраны со стороны города подъехал огромный серебристый внедорожник. Машина редкая, на приобретение такой иномарки требуется особое разрешение, которое выдаётся исключительно «светлым». Через монитор, стоящий на столе, было видно, как молодой охранник в своём ярко-голубом гусарском мундирчике, сверкающем бесконечным рядом медных пуговиц и шнуров, суетится возле шлагбаума.

Несколько секунд спустя машина, шурша колёсами, въехала на мост.

Начальник охраны придвинул к себе клавиатуру и безо всякого выражения посмотрел на поручика:

– Мне нужно работать, так что давайте закончим наш разговор. Жду вас с официальным визитом. Мы обязательно во всём разберёмся. Всего доброго.

– Ничего подобного, – сухо ответил Сомов и вышел хлопнув дверью.

**

Он спустился по лестнице, кипя от бессильной ярости. Чувство было такое, словно его прилюдно отхлестал по щекам простой полноправный. Воевода был настолько уверен в своей безнаказанности, что не испугался в открытую врать госбесу! А в том, что начальник охраны врал, Сомов не сомневался.

Система не ошибается никогда! И если она показала, что Настя тут была, значит, не может быть никаких других вариантов и не заметить её было невозможно. Вот только зачем воеводе его обманывать? Какой резон?

По пути к машине Сомов заметил, что серые металлические ворота гаража закрыты неплотно, узкая, всего в несколько пальцев, щель позволяла заглянуть внутрь помещения. Не сбавляя шага, он свернул к воротам. За спиной раздался жалобно-испуганный окрик дежурного. Молодой парень, оказавшись меж двух огней – своими обязанностями и риском навлечь на себя гнев сотрудника госбезопасности – просительно-извиняющимся стоном призывал Сомова образумиться.

В гараже было темно, и что-либо разглядеть поручику не удалось. В ярости он ухватился за створку ворот и начал её трясти. Неожиданно раздался электрический щелчок, негромко зажужжал механизм, и ворота отъехали в сторону, открывая совершенно пустое пространство.

– Не позволяйте себе лишнего, господин поручик, – из окна на втором этаже караулки выглядывал воевода. – Как видите, ни вашей супруги, ни её машины тут нет. Поищите в каком-нибудь другом месте. Возможно, она уже дома, дожидается вас...

Ещё один щелчок, и створка ворот медленно поползла обратно.

**

Возможно, она уже дома!

Слова, сказанные начальником охраны лишь для того, чтобы поскорее избавиться от назойливого посетителя, тем не менее, ободрили Сомова.

Как же он сам-то не подумал об этом?! Конечно! Где же ей ещё быть? Дома, дома! Закончила свои дела и поехала домой! Он сюда, она туда. По пути разминулись!

УАЗ «Комиссар» выскочил на Приморский проспект и помчался на север.

Сомов в точности до наоборот повторял дневной маршрут жены: Ушаковская набережная, Сталинская, Пироговская... Чёрный внедорожник нёсся по выделенной полосе, предназначенной для движения служебного автотранспорта и личных авто «светлых». На тех участках маршрута, где спецполоса отсутствовала, он включал «крякалку» и мчался, игнорируя сигналы светофоров, опасно маневрируя и выезжая на полосы встречного движения. Редкие машины и многочисленные велосипедисты послушно расступались перед тяжёлым броневиком, постовые старательно не замечали нарушителя.

Будь он обычным гражданином, с его личного счёта на штрафы уже была бы списана неподъёмная для любого «синего» и даже «красного» сумма, права бы автоматически аннулировали, а за проезд по выделенке вообще могли люстрировать. Но он не обычный гражданин, он часть Системы. И он очень спешит.

Конечно же, она дома! Ждёт его. Одна, напуганная, оттого что его самого так долго нет. Наверное, названивает ему, а он, дурак, картонная башка, телефон на работе оставил! Извёлся весь, из мухи слона раздул! Быстрее, быстрее!

Он включил радио, чтобы заглушить в себе монотонную трель тревоги. Но отвлечься не получилось. Бархотноголосый Ермак исполнял старинный шлягер про любовь и разлуку. «Не хо-одят одна-а без друго-ой...» Сомов выругался и отключил «шарманку».

Никаких разлук! Всё встанет на свои места, как только он посмотрит в глаза цвета чистейшего янтаря. И это будет лучший подарок к ИХ дню! Ничего другого ему не надо! Вообще ничего!

С визгом шин УАЗ свернул на придомовую территорию, промчался, распугивая голубей и прохожих, к центральному подъезду и вырулил на стоянку.

Закреплённое за Настинной машиной место пустовало.

Она не возвращалась домой.

Сомов вышел из машины и потерянным взглядом уставился на асфальтовый прямоугольник, очерченный с двух сторон белыми разделительными полосами. Почти возле самой таблички с номером парковки на асфальте темнела зеленоватая лужица антифриза.

«Может, она сдала Муську в ремонт, а сама вернулась на такси?» – безо всякой надежды подумал он и медленно направился к подъезду.

**

Тишина, которую обычно называют мёртвой, казалось, материализовалась, и каждый шаг давался с усилием. Он продирался через эту тишину, как через густой ельник. Ванная, туалет, кухня, спальня... Везде тихо и пусто.

Цветы, которые он утром подарил ей, так и стояли в белой вазе на прикроватном столике рядом с их свадебной фотографией. Он загодя купил огромный букет её любимых флоксов и спрятал его в оружейном шкафу, чтобы утром, пока она ещё спит, поставить цветы перед кроватью. Возле платяного шкафа на ковре стояли открытые картонные коробки из-под обуви, рядом валялись полусапожки из белой замши и лакированные туфли на шпильке. На спинке кресла белела блузка, на подлокотнике висели нейлоновые колготы. Она как будто была всё ещё где-то здесь или только-только вышла куда-то ненадолго.

Он присел на край кровати. От пережитого напряжения и отчаянья его непреодолимо клонило в сон. Хотелось упасть и забыться, чтобы, проснувшись, понять, что всё это было обычным кошмаром, безвозвратно исчезающим с первых секунд пробуждения.

Стоило прикрыть глаза, как он увидел её.

Она была совсем рядом. Друг от друга их отделял только тонкий прозрачный занавес, и потому черты её лица были нечётки. Она шла к нему, но никак не могла найти прореху в этой нескончаемой пелене. А он звал, беззвучно повторяя её имя, силился разорвать эту возникшую между ними преграду, но хватал только пустоту. Настя шла к нему, но с каждым шагом становилась всё дальше, её черты бледнели, словно она истачивала себя об это невидимое полотно.

Пронзительный клёкот телефонного звонка вырвал его из оцепенения.

Он вскочил, метнулся в коридор, сорвал со стены трубку, молясь, чтобы это оказалась она.

– Саша... – выдохнула трубка голосом генерала Бурцева.

Того самого Бурцева, под началом которого Сомов работал следователем и носил капитанские погоны. Того самого Бурцева, который требовал для Сомова люстрации на трибунальной комиссии. Генерал звонил лично, что могло означать только что-то из ряда вон выходящее. И это неуставное мягкое «Саша» в обращении начальника следственного Управления также не обещало ничего хорошего. Страшным грозило. Потому и мягкое, чтобы удар смягчить.

Сомов внутренне сжался.

– Саша... – повторил генерал. – Слышишь меня?

– Так точно! – выкашлял Сомов.

Оглушительная и бесконечная, как вечность, пауза.

– Настя... – прохрипел голос Бурцева и снова умолк.

– Что?! Что Настя?!

– Настя попала в аварию...

В глазах потемнело.

– Что?!

– Её сигнал пропал. Отследили КТПС, ГБР обнаружила пролом в ограждении моста через Петровский фарватер. Машина упала в воду...

Генерал снова замолчал, тяжело дыша в трубку.

– Что с ней?! Она... жива?

Высота подмостового габарита больше двадцати метров. Выжить, падая в машине с такой высоты, почти невозможно. Но Сомов вцепился в это призрачное «почти»:

– Она жива? – с нажимом повторил он.

– Не знаю... – едва слышно ответил генерал. – Водолазы уже работают. Но...

– Что «но»?!

– Тело... Настю не нашли. Лобовое выбито и... И передатчик, скорее всего, повреждён – нет сигнала.

Мир опрокинулся. Сомов успел вцепиться в дверной косяк и удержать ставшее непослушным тело от падения.

– Сомов! Саша! Ты это... Ты туда поезжай, родной! Там сейчас опергруппа Ахмерова. Я ему позвоню, чтобы тебя дождался. Я обещаю, мы всё сделаем, чтобы её найти. Всё сделаем! Отпуск возьми. Сколько надо, столько и возьми, я похлопочу. А сейчас поезжай, поезжай туда.

Голова стала чужой и пустой, как резиновый мяч, внутри которого беспрестанно рикошетил от стенок оглушающий звон страшного удара: Настя, Настя, Настя...

**

Они познакомились на исходе бесснежно-слякотного ноября.

Сомова и ещё одного специалиста-техника по ГЛОСИМ командировали в пограничный гарнизон Вяртсиля, чтобы перенастроить и протестировать забарахлившую Систему. А заодно Сомов должен был прочитать несколько лекций по криминалистической методике расследования умышленного ухода из-под глобального надзора.

Но когда броневик уже выехал за кольцевую, их развернули – поступило указание забрать с собой гражданского специалиста.

Ругаясь на неожиданно свалившееся на них «тулово», они потеряли почти час, пока добирались до места посадки нового пассажира. Тем пассажиром оказалась девушка – учительница финского языка, направленная в тот же гарнизон для приёмки экзамена у группы пограничников.

Девушку звали Анастасия. Невысокая, стройная, с удивительными глазами медового цвета, она сразу понравилась Сомову.

На заднем сиденье они оказались вдвоём и всю дорогу проболтали о разных пустяках, игнорируя не перестававшего ворчать водителя. В гарнизоне вместе пообедали в столовой и несколько раз пересекались в штабном корпусе. Обрато тоже ехали вместе и расстались почти друзьями.

Вот только ни телефона, ни какой-то иной информации для связи Сомов сразу взять у неё не догадался. А спохватился, уже когда броневик отъехал. Он даже приказал шофёру разворачиваться, но тот был непреклонен и упирал на то, что маршрут ему утверждали в главке и «в том маршруте никакие развороты не значатся».

Пришлось Сомову действовать полуофициальным методом.

Имея доступ к архивным записям Системы, он ввёл свои данные и время командировки и «вернулся» в ту поездку. И с удивлением обнаружил, что девушка Настя имела статус «красной дворянки» – слишком круто для простой учительницы финского языка. Но его ждало ещё большее потрясение, когда он выяснил её полное имя – Анастасия Игоревна *жар* Пяйвенен. И имя это практически полностью перечёркивало для него возможность завести с этой девушкой романтические отношения.

**

Через месяц в ЦДК Офицеров МГБ России проходил торжественный вечер, посвящённый Дню работника госбезопасности – праздник, отмечающийся с таким вавилонским размахом, словно к работе ведомства имеет прямое отношение каждый житель страны. Впрочем, в определённом смысле так оно и есть.

В ожидании гала-концерта все офицеры (за исключением генералов и некоторых пользующихся особым расположением руководства полковников) расположились в просторном фойе второго этажа. Променуар шуршал тканью чёрных двубортных мундиров, цокал по мрамору коваными подошвами начищенных сапог, позвякивал шпорами и наградами, сверкал в свете огромных люстр серебром и золотом эплет, пуговиц, аксельбантов и поясных портупей, на которых крепились изогнутые гусарские палаши.

Для многих камерадов праздник заключался уже в том, что давал возможность покрасоваться друг перед другом в парадных мундирах, а концерт был лишь приправой к этому щедрому пиру горделивого самодовольства. Сомов, относившийся с презрительным недоумением к подобному «маскараду показной доблести», на своё счастье, в тот день дежурил, а потому был

в обычной полевой форме: хромовых сапогах, тёмно-синих галифе и суконной оливково-серой гимнастёрке.

То и дело ему случалось перехватывать сочувствующие, а то и насмешливые взгляды коллег, которые, по всей видимости, считали, что он (а как же иначе!) уязвлён своим неброским видом. На все эти взгляды Сомов отзывался тенью страдальческой полуулыбки – «ну что тут поделаешь, служба» – в душе же он ликовал, ощущая себя едва ли не бунтарём.

В какой-то момент равномерный гул голосов, заполнивший фойе, начал угасать. Чёрно-серебряное море всколыхнулось – офицеры расступались, пропуская заместителя начальника Управления военной контрразведки, генерал-майора Игоря Николаевича *жар* Пяйвенена.

Высокий, осанистый, с благородно-красивым профилем генерал-майор *жар* Пяйвенен был из тех офицеров-командиров, кого принято называть «образцом» – образцом профессионализма, образцом служения делу защиты государственных интересов. И пускай эта формулировка давно превратилась в штамп и в торжественных речах «образцом служения» становился любой сотрудник МГБ, у которого был день рождения, повышение звания, новое назначение или похороны, к Игорю Николаевичу это определение относилось далеко не в качестве красного слова.

Левую сторону его парадного кителя украшал богатый набор орденов. У многих старших офицеров и генералов МГБ «иконостас» был не меньше, но такими боевыми орденами и медалями, какими был награждён генерал-майор *жар* Пяйвенен, похвастаться могли единицы.

Среди камерадов о нём ходили легенды, и не было, пожалуй, в Главном управлении МГБ человека, пользующегося большим уважением сослуживцев.

Во времена Всегражданской Смуты капитан УВКР МГБ РФ Игорь Пяйвенен без малого три года провёл на территории бунтующей самопровозглашённой Западно-Сибирской Независимой Республики в качестве внедрённого агента. Успешное внедрение к сепаратистам само по себе уже подвиг – почти все остальные агенты-разведчики были раскрыты и казнены. Говорят, большинство из них провалилось на детекторе лжи, проверку которым проходили все перебежчики. Игорю Николаевичу удалось не только каким-то образом обмануть «машину правды», он сумел войти в состав Генерального штаба повстанцев, стать своим в самом логове врага. Три года капитан Пяйвенен собирал и передавал в Центр важнейшие сведения обо всех крупных операциях сепаратистов. По слухам, именно благодаря ему удалось избежать применения ядерного оружия обеими сторонами конфликта. Домой он вернулся после того, как между враждующими сторонами было заключено перемирие, которое длится по настоящее время.

Орден Андрея Первозванного и медаль Героя России Игорь Николаевич получал лично из рук монарх-президента. Также он был удостоен наследуемого титула «красного дворянина» и получил право (при оставлении службы или достижении генеральского звания) носить перед своей фамилией аристократическую приставку «жар».

Вот такой человек появился в тот день в фойе второго этажа Клуба Офицеров. Появился совершенно неожиданно, так как все высшие офицеры традиционно размещались отдельно, на третьем этаже, где находился банкетный вип-зал и вход на генеральную ложу и где были накрыты столы и слышался звон бокалов, гортанный пьяный смех и громогласные парадные тосты с обязательным троекратным «ура» в оконцовке. Игорь Николаевич туда не пошёл, предпочтя дожидаться концерта со всеми остальными.

Но визит прославленного генерала был не единственной причиной, по которой вся масса мундирщиков разом расправила плечи и выпрямила спины – генерала сопровождала светло-волосая девушка в небесно-голубом платье.

Дочь, дочь, дочь... – с жарким придыханием зачавкало повсюду.

Сомов смотрел, не отрываясь, не слыша уже ничего, кроме внутреннего непрерывного оглушающего шума. Так звучит песня сердца, без слов и мелодии.

Постепенно, хоть и не с таким накалом как прежде, вновь потекли разговоры, зашуршали одежды, зацарапали-зацокали по мрамору кованые каблуки. А он всё стоял неподвижно и смотрел. На неё. Его окликали, к нему обращались, над ним подтрунивали – он никого и ничего не слышал.

Наконец, их взгляды встретились. Она вспыхнула, улыбнулась радостно, кивнула ободряюще и, одними глазами указав на отца, беззвучно прошептала:

«Он знает».

Прозвенел звонок и толпа, гудя, звеня и посмеиваясь, двинулась в зал, увлекая с собой и её. А он всё стоял, пригвождённый это новостью, хотя, прекрасно понимал, что предполагать обратное было бы верхом наивности – генерал контрразведки не мог не знать...

Во время концерта он дежурил у аварийного выхода, расположенного в самом низу зала слева от сцены, а она сидела рядом с отцом на первом ряду возле центрального прохода. Со своего места Сомов видел её далёкий профиль, мягко подсвеченный софитами. Весь первый акт концерта он не сводил с неё глаз. А в голове только и вертелось: «Он знает! Он знает!..»

Выяснив, что эта девушка – дочь прославленного генерала МГБ, он испугался.

Отцы зачастую оберегают своих дочерей с особой ревностью, граничащей с паранойей. И если генерал Пяйвенен относился именно к такому – чрезмерно ревнивому – типу отца, то попытка завести романтические отношения с Анастасией *жар* Пяйвенен могла закончиться для Сомова очень скверно.

Несколько дней он не находил себе места. То и дело доставал из нагрудного кармана бумажку с выписанным телефоном Насти и, едва взглянув на заветные цифры, прятал клочок бумаги обратно.

И всё-таки он позвонил. А она... Она была рада его звонку. И тактично не стала выпрашивать, откуда у него её телефонный номер, хотя, наверняка, догадалась. Они стали встречаться – ходили на её любимые фильмы периода Советской России, несколько раз ужинали в кафе и даже посетили футбольный матч, где «Зенит», к восторгу Насти, ни разу не бывавшей до этого на стадионе, разгромил мурманский «Портовик» 8:0.

Первая часть концерта прошла как в полусне.

Едва конферансье объявил антракт, зал сразу всколыхнулся, загудел. В этом волнуемом море чёрных мундиров он потерял Настю из виду. А когда снова увидел, она стояла прямо перед ним, держа под руку отца.

Он знает.

- Пап, познакомься, – в её смеющихся глазах горели маленькие солнышки. – Это Саша.
- Капитан Сомов, – поспешил представиться он, беря под козырёк.
- Вольно.

По взгляду генерала было заметно, что он растерян не менее Сомова. Озорная девчонка провела их обоих, не дав никакой возможности подготовиться к очному знакомству.

- Как вам концерт, капитан?
- Господин генерал, я люблю вашу дочь!

Эти две фразы, прозвучавшие одновременно, переплелись и взорвались звонким и немного истеричным Настиным смехом.

- Я люблю вашу дочь, – повторил Сомов.

Генерал окинул его испытующим взглядом и повернулся к дочери.

- Ну, а ты?
- И я, пап, – она уже не смеялась. – Люблю...

Так неожиданное знакомство переросло во взаимные признания.

– Любите, – разрешил Игорь Николаевич. – Это высшая награда, данная нам... – он указал пальцем в лепной потолок. – Любите...

Потом были месяцы ухаживаний, более чем серьёзный разговор с Игорем Николаевичем в его кабинете, свадьба на многопалубном пассажирском теплоходе «Князь И. Н. Корейша», красивейший салют, расцветший огненными букетами над ночной Невой, и напутствие отца невесты: «Головой мне за неё отвечаешь, капитан-зять!»

Он и без всяких напутствий был готов отвечать за это подаренное ему судьбой счастье чем угодно.

Когда она улыбалась, на её щеках появлялись очаровательные ямочки. А её глаза в такие моменты начинали лучиться мягким золотым светом. Почти осязаемым. Когда они уже жили вместе, он нередко старался её чем-нибудь развеселить, чтобы снова и снова почувствовать силу этой неиссякаемой магии. Магии родного улыбающегося лица.

Она любила чёрно-белые фильмы периода советской России и считала, что Сомов очень похож на одного актёра тех лет. Ещё она любила настольный теннис, жареное мясо, обувь на каблуках и курить. А он любил свою работу, Родину и её. Хотя, если совсем уж дотошно расставлять приоритеты, то: её, Родину и уже потом работу.

Она стала самым ценным и для него.

Она звала его Сомик. А в моменты особо шаловливого настроения – «капитан-зять», хотя по внутрисемейному ранжиру он всё же был «капитан-муж». Он называл её – Стася, Стаська, а немного подучив финский, стал называть Ауринко – солнышко.

После смерти Игоря Николаевича прозвище «капитан-зять» ушло из её лексикона навсегда. А довольно скоро Сомов перестал быть капитаном и по службе... Но все эти невзгоды не отдалили их друг от друга, не умалили чувств, ни на йоту не ослабили их связи. Наоборот, они стали ещё ближе, ещё сопричастней, будто проросли друг в друга новыми крепкими корнями.

1.5 Славка

Он не понимал, куда и зачем его ведут. Смотрел под ноги. Взгляд бездумно цеплялся за тёмно-коричневые и бледно-жёлтые кирпичики, которыми была вымощена дорожка – бесконечная шахматная доска.

Насмешливый голос «утопленницы», казалось, был повсюду, он снова и снова повторял этот страшный приговор: «Ты раб! Мой личный раб!»

«Раб, раб, раб» – ритмично шлёпали задники пробковых сандалий белобрысого за Славкиной спиной. «Раб!!!» – оглушительно выплюнула пушка на берегу.

«Это какая-то ерунда!» – убеждал себя Славка, едва передвигая ноги. – «Этого просто не может быть!»

Всё, что он знал о рабстве, о чём рассказывали в школе, по большей части происходило очень давно – в том историческом срезе, который принято называть «стародавние времена». Переболев когда-то этой болячкой общественных взаимоотношений, человеческая цивилизация пошла дальше, научилась выстраивать новые социальные и государственные системы – более совершенные и справедливые.

Их так учили.

И вдруг – раб. В стране, победившей смертельный вирус, преступность и терроризм?! В стране, чудом выкарабкавшейся из пучины гражданской войны?! В стране, после многих лет разрухи вернувшей себе космос и создавшей Систему?!

Чем больше он думал об этом, тем более невероятным казалось ему всё произошедшее. Потрясённое сознание искало объяснений. И нашло в тот момент, когда Славка разглядывал под ногами жёлто-коричневые кирпичики брусчатки.

Шахматы! Игра! Да его же просто разыгрывают! Несомненно, он попал в одно из тех развлекательных шоу, которые идут только на телеканалах для «светлых», но о которых, нет, да и всплывают разные невероятные слухи! Ни «синим», ни «красным» таких передач не показывают, но у «светлых» есть прислуга, а у прислуги есть языки.

Тут же вспомнилась история одного работяги, который якобы выиграл в благотворительную лотерею серебряный статус. Хотя каждому известно, что это невозможно – драгоценный статус нельзя ни выиграть, ни купить. Но так просто поверить в чудо, если оно происходит с тобой. И тот работяга, конечно же, поверил.

Шоу, вроде бы, называлось «В главной роли» или как-то так. И хотя почти никто из простых граждан по понятным причинам этого шоу не видел, в многочисленных пересудах оно обрело почти кинематографическую чёткость.

Со «счастливчика» сняли гражданский унэлдок, торжественно надели на руку браслет «светлого» и отвезли в богатый особняк с шикарной мебелью, слугами, гаражом и даже бассейном. Ему сказали, что всё это теперь его, включая огромный денежный счёт, которым он может распоряжаться по своему усмотрению.

И «светлые» с упоением следили, как этот обычный человек, попав в необычные для него условия, постепенно надрывается от непомерной тяжести свалившегося на него счастья. Как этот поначалу ошарашенный и тихий мужичок постепенно, но довольно споро превращается в капризного барина, помыкающего слугами и не знающего меры в еде, алкоголе и бессмысленных тратах.

Такое развлечение.

По слухам, после «возвращения на землю» мужик покончил с собой – то ли от стыда, то ли от тоски по утерянной сказке.

И вот теперь события развивались так, словно были кем-то искусно прописаны в сценарии. И чем больше Славка думал об этом, тем сильнее уверялся он в этой мысли – его так

же, как и того работягу, сделали участником шоу. Но на этот раз «главный герой» не взлетел, а рухнул на самое дно и даже ещё ниже. Как, наверное, любопытно наблюдать за человеком, попавшим в такие условия!

Но даже если это так, если он действительно попал в шоу для «светлых», то это мало что меняет. Пусть всё остальное игра, но браслет-то у него забрали по-настоящему. А без браслета он пустое место и не имеет права ни возразить, ни отказаться от чего-либо. Даже выразить малейшее недовольство он не может себе позволить. Чем такое положение отличается от настоящего рабства?

**

– Стой! – приказал Белобрысый.

Они подошли к обложенному грубым бледно-жёлтым плиточником сараю с двумя крохотными окошками под замшелой шиферной крышей. Практически сразу за сараем начинался сосновый бор, отделённый от приусадебного участка высокой кованой оградой.

Белобрысый поднялся на крыльцо, расположенное в торце строения, отпер дверь и обернулся:

– Заходи!

Прежде чем последовать указанию, Славка осмотрелся и, наконец, заметил то, чего искал: на корявом стволе сосны, одиноко стоящей метрах в двадцати от сарая, поблёскивала матовым корпусом коробка видеокамеры. Чёрным оком объектива она была направлена как раз в сторону крыльца.

Шоу начинается, подумал Славка. Вот ведь угораздило-то!

В помещении было сумрачно и душно. Солнечный свет едва проникал через окна-бойницы, расположенные под самым потолком.

Белобрысый вытолкнул Славку на середину комнаты.

– На колени встань!

– Зачем это? – не шелохнулся Славка.

И тут же получил удар под рёбра. Не сильный, но чувствительный.

– А затем, чтобы ты чего не учудил, пока я тебя расстёгиваю, – процедил «спортсмен». – И попробуй только рыпнуться!

Славка опустил на колени. Но белобрысый не спешил освобождать его от наручников. Он присел на корточки напротив и широко ощерился.

Некоторое время они молча разглядывали друг друга.

И вновь Славка отметил про себя плакатную внешность блондинчика: мускулистый, загорелый, с белозубой улыбкой – этот парень вполне мог быть актёром. И та конопатая тощая девчонка с эффектной копной рыжих волос как нельзя лучше подходит на роль взбалмошной хозяйки богатой усадьбы.

Белобрысый достал из кармана шорт маленький чёрный ключик.

Только теперь Славка заметил, что на его руке уже нет того синего браслета, что был на нём на берегу. Это казалось невозможным – браслет с человека может снять только специалист паспортного отдела в присутствии специального офицера МГБ! Что же здесь происходит?!

– Скажу так, – белобрысый перекинул ключик из руки в руку. – Если хочешь жить, делай всё, что тебе скажут. Понял? Всё! Скажут самому себе глаза вилкой выколоть, выкалывай! Но ты не бзди. Такое тут вряд ли попросят, это я для примера. Понял?! Вот с этой самой минуты просто забудь, что было в твоей жизни раньше и учись жить по новым правилам. И тогда...

Он встал.

– Тогда у тебя всё будет более-менее хорошо. Может даже, *более*, чем ты способен себе представить.

Он обошёл Славку и начал размыкать замки наручников. Потом, приказав оставаться на месте, отошёл к двери и только тогда разрешил подняться на ноги.

– Спать будешь вон на той кровати, что у стола. Одежду и еду тебе скоро принесут. Побудешь здесь, пока тебя не осмотрит врач. Всё понял?

Славка никак не отреагировал.

Встал, молча начал растирать запястья и вздрогнул, когда его пальцы не встретили привычной плотности браслета. И опять накатило страх. А за ним и злость.

– Эй! – окрикнул «спортсмен». – Если тебя спрашивают, надо отвечать!

Если это всего-навсего игра, то её можно закончить раньше, чем планировали сценаристы. Достаточно нарушить чистоту эксперимента, дать понять, что он догадался о своей роли. Главной роли. Кто захочет смотреть шоу, в котором актёр, по сценарию обязанный оставаться в неведении, окажется осведомлённым обо всём, что происходит?

– А я спросить могу? – обернулся Славка.

– Ну спроси.

– А твой удок, где он? Ты его, как и мой, выкинул куда-то или в гримёрке забыл?

– Старый удок у меня забрали, – спокойно ответил белобрысый. – Новый выдали.

– Да? И где же он?

– На мне, – Аркаша похлопал себя по бедру.

Славка непонимающе посмотрел на ногу блондинчика и вдруг заметил то, на что до этого не обращал внимания – черную пластиковую полоску, охватывающую Аркашину щиколотку.

Чёрный носят только госбесы! Но уж точно не на ноге! Всё это было так странно и неожиданно, что Славка не нашёлся что сказать. А Аркаша, усмехнулся и вышел, заперев за собой дверь. Было слышно, как он быстро уходит по шахматной дорожке, щёлкая задниками своих модных шлёпок.

**

Большая вытянутая комната обстановкой напоминала номер в не самой плохой пригородной гостинице для «синих». Вдоль стен стояли четыре аккуратно заправленные панцирные кровати – две с одной стороны (под окнами) и две с другой. В дальнем конце комнаты в правом углу расположился небольшой квадратный стол под клетчатой клеёнкой. Над столом висела открытая металлическая посудная полка с несколькими разномастными тарелками и чашками. В углу напротив у стены стояла широкая деревянная тумба с электросамоваром на жестяном подносе, а рядом с тумбой – маленький холодильник. Дощатый лакированный пол, оштукатуренные бледно-зелёные стены, лампочка под плетёным тряпичным абажуром, запах чеснока и пригоревшего подсолнечного масла. Комната заканчивалась светло-коричневой дверью, ведущей ещё куда-то...

Ничего особенного. Но всё же это было намного лучше, чем барак на сорок человек, в котором жили «белые» артельщики. И как бы ни старались устроители шоу поместить Славку в самые ничтожные условия, у них это не получилось.

Он снова осмотрелся по сторонам, чувствуя на себе взгляд невидимого враждебного ока.

– Найдите другого на эту роль! – выкрикнул он в тишину.

В старых застиранных трусах, перепачканный подсохшим илом, со взъерошенными волосами и распухшей губой – представив себе, как он выглядит со стороны, точнее даже не со стороны, а с больших экранов дорогих телевизоров, Славка невесело усмехнулся – экое зрелище! – и стал искать, во что можно одеться.

Возле входной двери к стене была прибитая грубая деревянная вешалка, на которой одинок висела брезентовка защитного цвета. Под вешалкой на аккуратно расстеленной тряпке стояла пара резиновых сапог и оцинкованное ведро с торчащей из него ручкой веника. С другой стороны от двери всё пространство до самой стены занимал старый лакированный шкаф.

Славка прошлёпал к шкафу, но дверцы оказались запертыми. Пришлось довольствоваться прорезиненной брезентовкой, облачившись в которую, он почувствовал себя немного уверенней.

Вместе с уверенностью начали просыпаться и другие чувства.

В животе тоскливым протяжным урчанием отозвался голод. Славка решительно направился к холодильнику, но к его разочарованию холодильник тоже оказался под замком. В тумбе он обнаружил пакет муки, несколько жестяных банок с различными крупами и две пачки макарон. Зато на столе стояла стеклянная сахарница, в которой лежало несколько кусков колотого сахара. Славка выудил большой угловатый отломок, выдвинул из-под стола табурет и сел «ужинать».

Он вгрызлся в твёрдый как камень сырец и гадал: что ждёт его дальше? Как долго планируют его держать тут? А если его за прогул выгонят с работы? Или *они* заранее договорились с *жар* Бандуриным, что «арендуют» одного из его работников? И как ему вернут потом унэлдок, если его разорвали и выбросили в воду? Впрочем, «светлые» могут всё. В буквальном смысле.

«В том числе и захотеть иметь рабов, – шепнула беспокойная мысль. – Настоящих рабов».

– Херня! – пробормотал Славка и замотал головой, чтобы вытряхнуть этот назойливый голосок.

Глотая сладкую слюну, он не переставал осматриваться, пытаясь определить, где могут быть спрятаны камеры. Над одной из кроватей он увидел плакат, да и не плакат даже, а аккуратно вырванный из какого-то глянцевого журнала листок, на котором красовался Борис Ермак – Золотой Голос России, многократный Певец Года, Господарь Ушей Услада, Король Эстрады и как только ещё его не называли и какими титулами не награждали.

Вся страна сходила по Ермаку с ума. Хотя правильной было бы сказать – всю страну сводили с ума Ермаком. Он был повсюду: на афишах, рекламных стендах, на упаковках продуктов, на обложках журналов – везде. На каждом углу продавались футболки и значки с его изображением. «Купил колпак, и там Ермак» – народные поговорки не врут. Вот и здесь, в практически пустой комнате, нашлось ему место. И, конечно же, не просто так, догадался Славка. Министерство культуры, которое всячески поддерживало популярность Ермака, не упустило возможности прорекламирровать своего протеже в очередном шоу. В конце концов, «светлые» тоже души в нём не чают.

На картинке Ермак был в одном из своих любимых сценических костюмов – светло-голубом, густо обшитом золотыми и серебряными блёстками. Он стоял, отведя одну руку в сторону и запрокинув голову, сладострастно прикрыв глаза, вскинув руку с микрофоном так, что казалось, будто это не микрофон, а маленькая серебристая бутылочка, из которой он вливает в свой широко раскрытый накрашенный рот что-то необыкновенно вкусное.

В животе у Славки снова заурчало. Но теперь протест кишок сопровождался острой болью. Держась за живот, он сполз с табуретки и направился к коричневой двери, страстно желая, чтобы за ней оказалась уборная.

Первое, что он увидел, открыв дверь, был унитаз – маленьким желаниям проще сбываться.

Славка заскочил в каморку, прикрыл дверь и, проклиная невидимые камеры, спустил трусы и уселся на холодный фаянс. Организм отблагодарил его очередной атакой боли. Закрыв глаза и сжав зубы, Славка пытался выдавить эту боль из себя. Вышло совсем немного, но сразу стало легче, и он завертел головой, знакомясь с обстановкой.

Рядом с унитазом стояла тумба с раковиной, над которой висело овальное зеркало. Левый закуток занимала душевая: вделанный в пол эмалированный поддон и синие полиэтиленовые занавески с изображением морских ракушек. Справа Славка обнаружил настоящее чудо – стиральную машину, а за ней на стене – большой водонагревательный бак. Под потолком в самом углу было окошко, такое крохотное, что в него можно было просунуть разве что два прижатых друг к другу кулака или ступню. Тот, кто проектировал этот дом-сарай, постарался сделать так, чтобы отсюда можно было выйти исключительно через дверь.

Славкины наблюдения были прерваны звуком отпираемой входной двери, а затем по комнате зашаркали чьи-то шаги, звякнула какая-то посуда, что-то упало на пол.

Опасаясь, что кто-то может заглянуть в уборную, которая в отличие от шкафа и холодильника не запиралась, Славка наскоро закончил свои дела, быстро сполоснул руки и вышел в комнату.

Возле стола суетился невысокий кряжистый старичок в вышитой рубахе-косоворотке, свободных серых штанах и резиновых галошах на босу ногу. Незнакомец слегка пританцовывал, расставляя тарелки, и непрерывно что-то бормотал в рыже-седую кудлатую бороду. Заметив Славку, он на несколько секунд замер, потом поспешно отвёл взгляд и, глядя себе под ноги, сообщил:

– Одежку я тебе принёс. Вон, на койке.

На кровати были аккуратно разложены такая же, как у Бороды, светло-серая косоворотка с расшитым воротом, просторные тёмно-серые штаны без карманов и бордовый тонкий кушак. Всяко лучше, чем жёсткая брезентовка на голое тело.

Славка молча сгрёб одежду и вернулся в уборную переодеться. И рубаха и штаны пришлись впору. А грязные трусы он быстро простирнул в раковине и повесил сушиться на штангу от душа. Когда он снова вышел в комнату, старичок сидел за столом и разминал вилкой дымящиеся в тарелке картофелины.

– Голодный, поди? – не отрывая взгляда от тарелки, спросил Борода. – Давай-давай, за стол прыгай. Перекусим.

От запаха варёной картошки рот моментально наполнился слюной. К тому же рядом с большой кастрюлей стояла ещё и миска со свежими огурцами и помидорами. Тут же лежала увесистая жопка варёной колбасы и полкраюхи ржаного хлеба.

Второго приглашения Славка ждать не стал: подошёл, выдвинул из-под стола табурет, сел, придвинул к себе тарелку, взял вилку и начал выкладывать из кастрюли картоху. Старик всё так же, не поднимая глаз, ковырялся в своей тарелке и что-то монотонно и размеренно бормотал, будто читал стихи.

Славка прислушался.

– ...Господи, даруй мир Твой людям Твоим, – едва слышно тараторил Борода. – Господи, даруй рабам Твоим Духа Твоего Святого...

Услышав слово «рабам», Славка усмехнулся и, отдав должное сценаристам, вилкой откромсал себе добрый кусище колбасы, отломил горбушку от краюхи, перебросил в тарелку огурец и пару помидоров.

– Приятного аппетита! – больше самому себе, чем этому странному гостю пожелал Славка и воткнул вилку в картофелину.

– Господи, Иисусе Христе, Боже наш! – заголосил старик так, будто это в него что-то вонзили. – Благослови нам пищу и питье молитвами Пречистыя Твоея Матере и всех святых Твоих, яко благословен во веки веков. Аминь. – После чего перекрестил тарелку и принялся за еду.

На загорелой руке старика не было никакого браслета.

Привыкший бояться одной только мысли о потере унэлдока, Славка всё время, пока молча ели, озадаченно поглядывал на эту коричневую, как копчёная рыба, руку. Что-то здесь казалось ему неправильным. И дело было даже не в отсутствии браслета, хотя и к такому зрелищу Славка привычен не был. Нет, было что-то ещё.

И только под самый конец трапезы он понял, что именно так его смутило. Понял, когда бросил взгляд на собственное запястье. Белая полоска незагорелой кожи выдавала в нём человека, только-только расставшегося со своим унэлдоком, в то время как рука старика была покрыта ровным спелым загаром. А это могло означать только одно – старик уже очень давно не носит на руке ничего, кроме собственной кожи.

Это понимание разлилось внутри гадким холодком страха – а игра ли всё это? Он попытался вспомнить, были ли какие-то следы на руке белобрысого, но вспомнить не смог.

– Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ, – снова забубнил Борода. – Не лиши нас и Небеснаго Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир давай им, прииди к нам и спаси нас.

Потом он довольно крикнул, закинул ногу на ногу, сложил руки в замок на остром колене и посмотрел на Славку. В серых, как пасмурное осеннее небо, глазах старика плескалось нездоровое веселье.

– Ну, отрок, спрашивай.

– Чего спрашивать? – сосредоточенно вычищая тарелку хлебной коркой, пробурчал Славка.

– Чего хочешь спрашивай. Ведь есть у тебя вопросы?

– Нет у меня вопросов.

– Это почему же?

– Потому что я никому здесь не верю.

– А с чего ж это мне тебя обманывать?

– Не знаю, – пожал плечами Славка. – Для обмана всегда резон найдётся.

– Это верно. Всяк человек есть ложь. Но я обманывать не стану.

– Почему?

– Я верующий.

– И что с того?

– Дьявол – отец лжи! – борода старика гневно затряслась. – Вот что с того! Христос говорил: Я есмь Путь и Истина и Жизнь! Истина! Слышишь ли ты меня?

«Блаженный дед, – подумал Славка. – Или играет так хорошо?»

– Слышу. А вы кто?

– Дядёк.

– Дядёк? Это имя такое?

– Скорее, название. И ты меня так называй.

– Вы хотели вопрос? Так вот, мне сказали, я раб здесь. Про это что ответите?

Дядёк нахмурился и размеренно закивал плешивой головой, словно подсчитывал что-то в уме.

Славка хоть и напустил на себя безразличный вид, ждал ответа, весь внутренне сжавшись. Отец нередко повторял: всегда готовься к самому худшему, тогда просто плохое за счастье покажется. Но разве к *такому* можно подготовиться?

– Это да, – наконец, вздохнул Борода. – Так и есть.

Славка прикусил губу. Ну а что ещё мог сказать этот странный старикан, если он один из участников шоу?

– А вы? У вас браслета нет, вы тоже... раб?

– Я раб, – в голосе старика послышалось благоговение. – Божий раб. И других господ нет у меня.

– Понятно...

Продолжать разговор не имело смысла. Встречал Славка и раньше людей, которые за красивыми речами умели спрятать ответ на любой вопрос. Наговорит такой человек гору слов, а драгоценной руды Истины в тех словах с песчинку.

Он начал собирать со стола тарелки, но старик не замолк.

– А здесь я в людской неволе. Как и ты. Это да.

– Значит, всё-таки есть над вами господа?

– То не господа. То как раз самые настоящие рабы и есть. Рабы страстей своих.

– А по-человечески с вами можно поговорить?! – не выдержал Славка. – Без этих вот церковных прибауток.

– Прибауток? – неожиданно улыбнулся старик. – Это что же я, по-твоему, с тобой не по-человечьи говорю. По-звериному или как? Сам-то ты крещёный?

– Был.

Каждый знает, что в отношении «белых» действует всеконфессиональный интердикт – автоматическое отлучение от церкви. «Белый» – государству враг. Антигосударственное мышление «зело оскорбляет чувства верующих». Так сказал Патриарх Тихон Третий. А ему видней, он к Богу ближе всех. Вот и отлучают. Тех, кто рождён «белыми», не крестят, а тех, кто приняли Таинство, пока ещё были в полном праве, при потере богоугодного статуса в храмы больше не пускают, не венчают, а по смерти не отпевают. И крестик им носить строго запрещено. Славкин ещё в интернате отобрали. Но если, вдруг – редко, но бывает – случалась амнистия, то прощёного государством и Церковь прощала. Нет крепче тандема, чем власть небесная и земная.

– Если был, то и есть, – возразил Дядёк. – Этого не отнять.

– Отлуп я. Чего непонятного?!

Славка злился всё больше – всё-таки вовлёк его дед в бестолковую беседу.

– Что отлуп, это понятно. Но у тебя ж крестик отняли, а не Веру.

– Так Бог ведь не слышит и не видит тех, на ком креста нет.

– Бог, отрок, всех слышит. И всех любит. И праведных, и грешных. А крест – железка. Символ. Он не одних видимых и внешних скорбей ношение. Носить крест и нести его – сути разные. Ты через страдания свои его несёшь. И через Любовь. И этот внутренний твой Крест у тебя отнять никто не может, коли сам от него не отречёшься. А ежели душа черна, то хоть обвешайся до пят крестами да иконами. Всё одно благодати не стяжаешь.

– Ну а как же креститься? – не унимался Славка. – Ведь не положено.

– Эх ты, слушаешь, а не слышишь, – грустно улыбнулся дед. – На-ко вот, раз дотошный такой.

Он ухватил себя за ворот рубахи, сдвинул на сторону, и Славка увидел на его поросшей редким седым волосом груди розовый лоснящийся след от ожога. И не было никаких сомнений, что след этот был оставлен большим наперстным крестом, что носят священники.

– Вот крест мой, попробуй, отыми!

И засмеялся, выставив напоказ на удивление белые ровные зубы.

**

Нет в конце июля на Ладоге ночи, а есть серо-малиновый вечер, плавно перетекающий в жёлто-голубое утро, как переливной календарик перетекает из одной картинке в другую. Солнце едва окунается за горизонт и вновь поднимается над кромкой леса, во всю ширь горизонта раскидывая свои золотые сети, ловя в них капли утренней росы. Серая простынь тумана, повисшая над самой землёй, вдруг озаряется мягким призрачным светом, наливается всё ярче и ярче и медленно тает, не в силах удержать этот свет в себе.

Славка вынырнул из сна под несмолкаемый птичий щебет. Он не сразу вспомнил, где находится и что с ним произошло. Некоторое время рассеянно смотрел в незнакомый потолок, с каждым новым вздохом возвращаясь в недобрую реальность: канал, авария, рыжая утопленница, белобрысый, драка, обрезанный браслет, поездка на катере, сумасшедший старик...

«Раб!» – каркнула на крыше ворона, и Славка окончательно проснулся.

Низкое солнце уже всю лупило через окна-бойницы, прожигая на противоположной стене два сверкающих прямоугольника, в одном из которых, словно в золотой раме, оказался плакат с Ермаком. Лучший певец страны, запрокинув голову, пил из волшебной бутылочки-микрофона своё нескончаемое счастье.

Славка встал, оделся, сделал нехитрую зарядку, умылся, выхватил из кастрюли последнюю картофелину, включил в розетку электросамовар, забрался на кровать и жадно прильнул к форточке.

Всё его существо рвалось туда, где плавилась в солнечных лучах далёкие верхушки деревьев, в этот зелёно-голубой простор, наполненный пряной свежестью утра и звуками просыпающейся природы. Но когда ещё ему удастся вернуться туда? И удастся ли? А сейчас всё это лишь видимый фон его новой жизни. Как картина на стене. Переливной календарик.

Он ожидал, что с самого утра к нему кто-нибудь придёт хотя бы разъяснить, что делать дальше. Но о нём, казалось, забыли.

Ближе к полудню по округе что-то громко застрекотало.

Славка, привлечённый звуком, снова полез к окошку и увидел, как на площадку возле гавани, поднимая облака водяной пыли, садится небольшой белый вертолёт. Из вертолёта вышел худощавый мужчина с серебристым чемоданчиком. У взлётно-посадочной площадки гостя встречали блондинчик и один охранник. Все вместе они направились к бараку. Когда процессия была уже близко, Славка отлип от окна и спустился вниз. Дверь открылась.

– Проходите, сударь! – белобрысый поспешно отступил под вешалку, пропуская в комнату незнакомца. Охранник остался снаружи. – Вот он.

Мужчина мельком взглянул на Славку и прошёл на середину комнаты.

– Мне нужен стул, – сказал он, деловито осмотревшись. – А лучше два. Поставь вот сюда, к кровати.

Белобрысый метнулся за табуретами.

Мужчина подошёл к сидящему на кровати Славке. Лет ему, на вид, было за сорок. Бело-снежная рубаха, светло-серые «с проблеском» брюки и такой же жилет с едва приметными узорами. Глубоко посаженные голубые глаза смотрели внимательно и строго.

– Что с губой? – безо всякого интереса спросил он.

Славка машинально облизнул разбитую во вчерашней потасовке губу.

– Это он ударился, ваше благородство, – пояснил Аркаша, расставляя табуреты.

Доктор бросил неприязненный взгляд на белобрысого и сел. На второй табурет он поставил свой чемоданчик, закатал рукава рубахи, щёлкнул замками, достал упакованные в целлофан резиновые перчатки. Волосатое запястье доктора охватывал красный браслет. Значит, осматривать Славку приехал не простой врач, а как минимум, руководитель какой-нибудь крупной клиники.

– Свободен, – сказал мужчина, натягивая перчатки.

Белобрысый бесшумно выскользнул за дверь.

Доктор вытащил из чемоданчика планшетку, включил её, быстро застучал по экрану пальцами, замер что-то изучая, потом удовлетворённо выдохнул и перевёл взгляд на Славку.

– Ну-с, дружок! Как тебя зовут?

– Рабом меня тут зовут, – буркнул Славка.

Мужчина кисло улыбнулся и снова застучал пальцами по экрану.

– Фамилия твоя Ладов, зовут Ярослав. Так?

– Нет, моя фамилия раб. И зовут меня раб.

Доктор вздохнул, положил планшетку на чемоданчик, встал и пошёл к выходу. Стоя на пороге, он что-то негромко сказал в открытую дверь и вернулся в комнату. Вслед за ним вошёл невысокий узкоглазый охранник.

Гвардеец с перекошенным лицом подскочил к кровати, ухватил Славку за нижнюю губу и притянул к себе.

– Ты что тут выступаешь! – зашипел он, брызжа слюной. – Отвечай на вопросы, паскудина сраная! Отвечай как положено!

Напоследок узкоглазый дёрнул так, что у Славки от боли задёргался глаз, а по подбородку из лопнувшей губы побежала струйка крови.

– Это было лишнее, – нахмурился доктор. – Но всё равно спасибо.

Охранник щёлкнул каблуками и удалился.

– Моё время очень дорого, – врач говорил таким спокойным тоном, будто продолжал ненароком прерванную светскую беседу. – И я не хочу обременять твою хозяйку лишними тратами. Понимаешь? Поэтому давай закончим побыстрее.

Он обтёр Славкин подбородок и лопнувшую губу едко пахнувшей ваткой, бросил ватку на пол и снова взял планшетку.

– Так как, говоришь, тебя зовут?

– Ярослав Павлович Ладов, – ответил Славка.

Бунтовать больше не хотелось.

Мужчина, не отрывая взгляда от экрана, ободряюще кивнул.

– Так. Контрольную вакцинацию проходил в марте прошлого года. Правильно?

– Да.

– В половую связь когда последний раз вступал?

Славка замялся и едва слышно выдавил:

– Никогда.

– Да ну! – на восковом лице доктора проскользнуло некое подобие улыбки. – Экземпляр!

Руку протяни!

Славка послушно вытянул руку.

Мужчина достал из чемоданчика небольшую серую коробочку с голубым светящимся экраном и приложил её к Славкиному запястью. Коробочка щёлкнула, уколола не больно и начала негромко попискивать. Когда писк стих, доктор, поглядывая в экран, опять застучал по планшетке.

Потом он попросил Славку лечь на живот, приспустить штаны и раздвинуть ягодицы. Прыснул чем-то прохладным, подождал секунд десять, посветил люминесцентной лампочкой и приказал переворачиваться на спину. Его руки двигались, как манипуляторы тонко настроенного робота. Его взгляд не менял безучастного выражения, независимо от того, что он в тот момент проделывал над Славкиным телом: засовывал ли ему в мочевого канал тонкий белый ёршик, проверял ли голову на вшей, прослушивал ли лёгкие или прощупывал лимфоузлы, стучал ли молоточком по коленке или светил лампочкой в оба глаза, оценивал ли состояние зубов или измерял температуру. Когда через час, не прощаясь и ничего не объяснив, доктор ушёл, Славка ощущал себя вывернутым наизнанку.

А ещё через полчаса вернулся тот самый узкоглазый охранник. Ничего не говоря и не объясняя, он быстро подошёл к сидящему у стола Славке и толчком ноги в грудь опрокинул его с табурета. После чего начал мыском армейского ботинка наносить не слишком сильные, но болезненные удары по голове и телу, сопровождая каждый словами:

– Отвечай, когда спрашивают! – удар;

– Молчи, если не спрашивают! – удар;

– Делай всё, что прикажут! – удар;

– Отвечай, когда спрашивают!..

Снова и снова, он вбивал эти правила в скорчившуюся на полу жертву. Завершился этот урок смачным плевком, звонко влипшим в Славкин разодранный подбородок.

**

Остаток дня он провёл взаперти в полном одиночестве.

К форточке больше не лазил. Смотреть из окна на залитый солнцем простор было всё равно, что разглядывать выставленные в витрине магазина кушанья, не имея возможности их купить. Он ходил из одного конца комнаты в другой и вспоминал: отца, Вальку Зуева, школу,

карусель, занятия в хоре, классную руководительницу Марго, как учился играть на гитаре, как влюбился в школьную красавицу Мими, как погиб отец, как его допрашивали, как отправили в интернат для «белых», как устроился на работу в артель – шаг за шагом он мысленно проходил свой путь до того самого момента, как оказался запертым в этой комнате.

Но ни одно из этих воспоминаний не могло дать ответа на главный вопрос, который мучил его – что дальше?

Есть тоже не хотелось. Только под вечер, когда в пустом желудке снова заурчало, он отварила найденные в тумбочке макароны, вскипятил чаю и безо всякого аппетита перекусил. И почти сразу накатила усталость, начали слипаться глаза. Он прилёг на кровать и не заметил, как провалился в сон.

Проснулся он от грохота и треска, раздававшегося, казалось, сразу со всех сторон. Комната беспрерывно озарялась разноцветными всполохами, стены вздрагивали от гулких разрывов. Левый глаз заплыл настолько, что почти не открывался.

Как многое, порой, меняет сон. Будто всё то, что взбаламутилось в дневной суете, осело на дно глубокого безжизненного водоёма: всё лишнее, всё придуманное и надуманное, всё несущественное и ненастоящее. И сразу после пробуждения, пока эта мелкодисперсная взвесь вновь не начала кружиться и мельтешить, вдруг открывается общая картина произошедшего. Открывается с безжалостной откровенностью, вся и сразу, словно разглядываешь условный макет минувшего дня.

«Раб! – бабахало за стеной. – Раб! Раб! Раб!»

Сейчас, проснувшись в этом адском грохоте с распухшей губой и заплывшим глазом, он уже не сомневался, что нет никакого розыгрыша и нет никаких актёров и, главное, нет никакой надежды избежать уготованной ему участи. Хватит себя обманывать.

«Раб!»

Старая панцирная кровать застонала, когда Славка встал на неё, чтобы выглянуть наружу.

Даже одного глаза было достаточно, чтобы увиденное поразило.

Ночное небо, не темнеющее в это время года до обычной своей глухой черноты, пылало от края до края. Огромные огненные шары вспучивались в вышине, соединялись в невероятные букеты, разлетались стремительными иглами, искрились, меняли цвет, разбивались на ослепительные осколки и гасли, чтобы уступить место всё новым и новым вспышкам.

А под этой феерией огней, как царская корона, украшенная драгоценными камнями, сверкал великолепный Дворец. Стены его подсвечивались лучами скрытых где-то у основания строения ламп. Сочно горела на бирюзе позолота. В высоких окнах плескался мягкий янтарный свет и двигались призрачные тени. Чуть в стороне среди чёрных почти человеческих силуэтов можжевельника сказочным шатром сияла беседка-ротонда. Фонтан тоже преобразился и расцвел волшебным цветком – каждая струя переливалась своим цветом, словно вместо воды из фонтана били струи сладких напитков. Меж высоких стоек уличных фонарей протянулись тонкие гирлянды с тысячами звёздно-мерцающих лампочек. Людей видно не было, но то и дело, в перерывах между разрывами, можно было различить отдельные выкрики и смех.

И вместе с тем, как оглушительно рвалась ткань ночного неба, рвалась на крохотные лоскуты и Славкина душа.

«Раб! Раб! Раб!»

Как только салют закончился, в дворцовом парке настоящий оркестр заиграл «Вальс-фантазию» Глинки.

Потом Славка долго неподвижно сидел на кровати, вслушиваясь в себя, пытаясь понять: что значит быть рабом. Как это – полностью принадлежать кому-то? Как вещь... И хотя, на первый взгляд, всё в этом вопросе было предельно ясно, итоговый результат никак не укладывался в голове.

Ему вспомнился школьный преподаватель обществознания Степан Вальтерович Носов. Невысокий, плотный, широколицый, с густой чёрной бородой, делающей его похожим на древнегреческого философа. Он и говорил как философ – медленно, веско, будто высекал всё сказанное в граните: «Гражданин – есть физическое лицо, принадлежащее к населению какого-либо государства и пользующееся всеми правами, обеспеченными законами сего государства, а также исполняющее все обязанности, установленные законами сего государства».

Славка попытался по тому же принципу вывести для себя определение понятия «раб».

«Раб – есть физическое лицо, – мысленно проговаривал он. – Лицо... Принадлежащее к населению какого-либо государства. А при чём тут государство? И население тут при чём? Принадлежащее господину... Господину. Господину... Как вещь».

Он запнулся. Слово «господин» пугало. В нём виделась огромная сила, но сила не открытая, как, например, в слове «богатырь», а тайная, словно бы припрятанная в складках длинного бархатного плаща. Тайная и зловещая.

Какое-то время спустя у него всё-таки вышло что-то, напоминающее «толк» – пояснительный текст, который в школьных учебниках обводят в красную рамочку: «Раб – есть физическое лицо, принадлежащее господину, не обладающее никакими правами и беспрекословно исполняющее все обязанности, установленные для него господином».

Он несколько раз проговорил про себя выведенную формулу. Легче не стало. А главное, не стало яснее, что его ждёт дальше. Какие именно обязанности установит для него его господа? Но это не тот вопрос, который долго останется без ответа. И это пугало.

Он не хотел спать, но снова лёг на кровать и какое-то время спустя отключился.

Как вещь.

1.6 Сомов

Оглушённый и опустошённый он мчался через город, до боли в скулах сдавливая зубами рвущийся наружу ужас.

Она не могла умереть! Только не она! В ней было столько жизни, что хватило бы и на десять человек. Достаточно было просто недолго побыть с ней рядом, чтобы очиститься от тяжести любых невзгод, всем и всё простить, всех полюбить, даже своих врагов.

И её тоже все любили! Все, кто хорошо знал её, и даже те, кто был знаком с ней мимо-лётно. Она была главным Чудом в его жизни, осязаемым доказательством существования Бога, потому что ничем иным, как вмешательством высших сил, нельзя объяснить то, что из всех, кто соприкасался с её чудесным даром, она выбрала именно его! Она была...

Была?!! Нет!! Она есть! Есть!..

Он резко бросил машину к обочине.

Пока он не добрался до моста, ещё не поставлена страшная точка. Пока он своими глазами не увидел... Но что? Что он может там увидеть? Её машину? Бурцев сказал, машину ещё не достали и она пуста. Нет! Пока он не увидит её тела, он не поверит в её смерть. Зачем тогда ему ехать туда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.